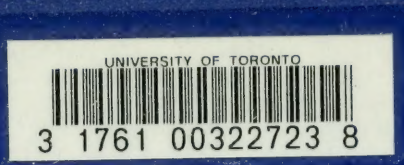
PG
3453
B2
1914a
t.6



This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Balmont, Konstantin Dmitrievich

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОВЪ

т. 6

Томъ Шестой

Фейныя Сказки

Злыя Чары

Изд. 2

Изданіе второе

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПІОНЪ“ 1911

LIBRARY
AUG 31 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3453
B2
1914a
t. 6

Y-77
1111
of 2000

К. Д. Бальмонтъ.

Типографія В. Н. Воронова. Моховая, противъ Манежа, д. кн. Гагарина.

Фейныя сказки

ДѢТСКІЯ ПѢСЕНКИ

1905—Осень.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Солнечной Ниникѣ, съ свѣтлыми глазками —
Этотъ букетикъ изъ тонкихъ былинокъ.
Ты позабавишься Фейными сказками,
Послѣ блеснешь мнѣ зелеными глазками,—
Въ нихъ не хочу я росинокъ.
Вечеръ далекъ, и до вечера встрѣтится
Много намъ, гномы, и страхи, и змѣи,
Чуръ, не пугаться,—а если засвѣтятся
Слезки, пожалуюсь Феѣ.

К. Бальмонтъ.

Sillamäggi Estl.
1905. Sept. 7.

Ф Е Я.

ФЕЯ.

Говорили мнѣ, что Фея,
Если даже и богата,
Если ей даритъ лилея
Много сновъ и аромата,—
Все жъ, чтобъ въ замкѣ пріютиться,
Нуженъ ей одинъ листокъ,
Имъ же можетъ нарядиться
Съ головы до ногъ.

Да, иначе быть не можетъ,
Потому что все въ ней нѣжно,
Ей сама Луна поможетъ,
Ткань паукъ сплететъ прилежно.
Такъ какъ въ мирѣ я не знаю
Ничего нѣжнѣе фей,
Нынѣ Фею выбираю
Музою моей.

НАРЯДЫ ФЕИ.

У Феи—глазки изумрудные,
Все на траву она глядитъ.
У ней наряды дивно-чудные,
Опалъ, топазъ, и хризолитъ.

Есть жемчуга изъ свѣта луннаго,
Какихъ не видѣлъ взоръ ничей.
Есть поясокъ покроя струннаго
Изъ яркихъ солнечныхъ лучей.

Еще ей платье подвѣнечное
Далъ колокольчикъ полевой,
Сулилъ ей счастье безконечное,
Звонилъ въ цвѣтокъ свой голубой.

Росинка, съ грезой серебристою,
Зажглась алмазнымъ огонькомъ.
А ландышъ свѣчкою душистою
Горѣлъ на свадьбѣ съ Свѣтлякомъ.

ПРОГУЛКА ФЕИ.

Фея въ садъ гулять пошла,
Такъ нарядна и свѣтла,
Говоритъ съ цвѣтами,
Ей цвѣты: Будь съ нами.

Фея, будь, какъ мы, цвѣтокъ,
Развернись какъ лепестокъ.
Будь рябинкой дикой,
Или павликой.

Будь Анютинымъ глазкомъ,
Или синимъ васильком.
Иль еще, малюткой,
Синей незабудкой.

Прилетитъ на лепестокъ
Желтокрылый мотылекъ,
Хоботкомъ коснется,
Фея улыбнется.

Прилетитъ къ тебѣ пчела,
Прожужжитъ, не бойся зла,
Я лишь пыль сбираю,
Медъ приготовляю.

Покачнувъ на тынѣ хмѣль,
Прогудитъ мохнатый шмель:
Ну-ка, поцѣлую
Фею молодую.

А когда придетъ закатъ,
Всѣ цвѣты проговорятъ:
Въ росахъ умываться,
Спать приготовляться.

Фея слушала цвѣты,
Фея нѣжила листы,
Но, сама причуда,
Прочь пошла оттуда.

Или я на мотылька
Промѣняю свѣтлячка?
Не хочу мѣняться.—
И давай смѣяться.

Скрылась въ замокъ подъ листкомъ,
Забавлялась съ Свѣтлякомъ.
Цвѣткомъ не стала,
Звонко хохотала.

ФЕЯ ЗА ДѢЛОМЪ.

Къ Феѣ въ замокъ собрались
Мошки и букашки.
Передъ этимъ напились
Капелекъ съ ромашки.

И давай жужжать, галдѣть,
Въ залѣ паутинной,
Точно выискали клѣть,
А не замокъ чинный.

Стали жаловаться всѣ
Съ самаго начала,
Что ромашка имъ въ росѣ
Яду подмѣшала.

А потомъ на комара
Жаловалась муха,
Говоритъ, молъ, я стара,
Плакалась старуха.

Фея слушала ихъ вздоръ,
И сказала: Вѣрьте,
Мнѣ вашъ гамъ и этотъ соръ
Надоѣлъ до смерти.

И велѣла пауку,—
Вставъ съ воздушныхъ креселъ,—
Чтобы тотчасъ на суку
Сѣти онъ развѣсилъ.

И, немедля, сталъ паукъ
Вѣшать паутинки.
А она пошла на лугъ
Провѣрять росинки.

НАХОДКА ФЕИ.

Фея сдѣлала находку:
Листикъ плавалъ по водѣ.
Изъ листка построивъ лодку,
Фея плаваетъ вездѣ.

Подъ стѣной рѣчного срыва
Показался ей налимъ,
Онъ мелькнулъ предъ ней красиво,
И исчезъ, неуловимъ.

Дальше, больше. Дышутъ травы
Въ свѣтломъ зеркальцѣ рѣки.
Цѣлымъ островомъ—купавы,
Цѣлымъ лѣсомъ—тростники.

Ей тритоны удивлялись,
Проползая бережкомъ,
И, смѣшные, похвалялись
Ей оранжевымъ брюшкомъ.

Плавунцы въ водѣ чернѣли,
И пускали пузыри.
Обѣщались—въ самомъ дѣлѣ
Быть ей свитой до зари.

Все бы, все бы было складно,
Да внезапно съ вѣтеркомъ
Стало сумрачно, прохладно,
Громыхнулъ далекій громъ

Лодку Феи вѣтеръ, вѣя,
Опрокинулъ,—не со зла,
Но однако жь вправду Фея
Утонуть въ рѣкѣ могла.

Но она лишь усмѣхнулась,
Мигъ,—и въ замокъ, до грозы,
Фея весело вернулась
На спинѣ у стрекозы.

РѢШЕНІЕ ФЕИ.

Солнце жаворонку силу пѣть даетъ,
Онъ до Солнца долетаетъ и поетъ.
Птичка жаворонокъ—пѣвчимъ птичкамъ царь.
На совѣтѣ птицъ давно рѣшили, встарь.

Но рѣшенье птицъ не принялъ соловей,
Онъ съ обидой дожидается ночей.
И какъ только означается Луна,
Соловьиная баллада всѣмъ слышна.

Фея молвила: Чего же спорить имъ?
Ну и глупые съ рѣшеніемъ своимъ.
Послѣ утра есть вечерняя заря,
Въ днѣ и ночи пусть намъ будутъ два царя.

ЗАБАВЫ ФЕИ.

Пускала пузырики
Въ соломенку Фея.
Придворные лирики
Жужжали ей, рѣя:—
О, чудо-пузырики,
О, дивная Фея!

Пурпурные, синіе,
Нѣжнѣе, чѣмъ въ сказкѣ.
Какія въ нихъ линіи,
Какія въ нихъ краски!
Зеленые, синіе,
Какъ дѣтскіе глазки.

Но Феѣ наскучили
Жужжащія мошки.
Всегда вѣдь канючили
Они на дорожкѣ.
Забавы замучили
Ей ручки и ножки.

Соломенку фейную
Отъ Феи убрали.
Постельку лилейную
Готовить ей стали.
И пѣснь тиховѣйную
Ей сны напѣвали.

ВѢТЕРОКЪ ФЕИ.

Въ сказкѣ фейной, тиховѣйной,
Легкій Майскій вѣтерокъ
Колыхнулъ цвѣтокъ лилейный
Нашепталъ мнѣ пѣнье строкъ.

И отъ Феи лунно-нѣжной
Бросилъ въ пѣсни мнѣ цвѣты.
И умчался въ міръ безбрежный,
Въ новой жаждѣ красоты.

А еще черезъ минутку
Возвратился съ гроздью розъ:
„Я ушелъ, но это въ шутку,
„Я тебѣ цвѣтовъ принесъ“.

ЧАРЫ ФЕИ.

Я шелъ въ лѣсу. Лѣсъ темный былъ
Такъ странно зачарованъ.
И самъ кого-то я любилъ,
И самъ я былъ взволнованъ.

Кто такъ разнѣжилъ облака,
Они совсѣмъ жемчужны?
И почему ручью рѣка
Поетъ: Мы будемъ дружны?

И почему такъ ландышъ вдругъ
Вздохнулъ, въ травѣ блѣднѣя?
И почему такъ нѣженъ лугъ?
Ахъ, знаю! Это—Фея.

ТРУДНО ФЕѢ.

„Фея"—шепнули сирени,
„Фея"—призывъ былъ стрижа,
„Фея"—шепнули сквозь тѣни
Ландыши, очи смежа.

„Фея",—сквозя изумрудно,
Травки промолвила нить.
Фея вздохнула: Какъ трудно!
Всѣхъ-то должна я любить.

БЕЗПОРЯДКИ У ФЕИ.

Сегодня майскіе жуки
Не въ мѣру были громки.
И позабыли червяки
Мнѣ освѣтить потемки.

Пошла бранить я Свѣтляка,
Чтобъ не давать поблажки.
Споткнулась вдругъ у стебелька
Ромашки или кашки.

И вотъ лежу я и гляжу,
Кто черный тамъ крадется.
Никакъ ума не приложу,
А сердце бьется, бьется.

И молвилъ кто-то грубо такъ:
„Послушай-ка, глядитка".
Тутъ лампочку зажегъ Свѣтлякъ,
И вижу я—улитка.

Ползетъ, разставила рога,
Вся мокрая такая.
„Ступай",—сказалъ Свѣтлякъ, „въ луга",
Слегка ее толкая.

А я ему: „Вина твоя!
„Гдѣ былъ? Въ гостяхъ у мухи?"
И въ эту ночь заснула я
Совсѣмъ-совсѣмъ не въ духѣ.

ФЕЯ ВЪ ГНѢВѢ.

Фея въ печку поглядѣла.
Пламя искрилось и рдѣло.
Уголечки отъ осины
Были ярки какъ рубины.

И сказала Фея: Если,
Здѣсь, предъ пламенемъ горящимъ,
Я сижу въ узорномъ креслѣ,
И довольна настоящимъ,—

Вѣчно ль буду я довольна,
Или кратокъ будетъ срокъ?
И вскричала тотчасъ: Больно!—
Палъ ей въ ноги уголекъ.

Фея очень разсердилась.
Кресло быстро откатилось.
Отыскавъ въ углу сандала,
Фея ножку врачевала.
И, разгнѣвавшись на печку,
Призываетъ Фея гнома.
Приказала человѣчку
Дѣлать, что ему знакомо.
Тотъ скорѣе сыпать сажи,
Все погасло въ быстрый срокъ.
Такъ темно, что страшно даже.
Былъ наказанъ уголекъ!

ФЕЙНАЯ ВОЙНА.

Царь муравейный
Съ свитой фейной
Вздумалъ войну воевать.
Всѣхъ онъ букашекъ,
Съ кашекъ, съ ромашекъ,
Хочетъ теперь убивать.

Фея вздыхаетъ,
Фея не знаетъ,
Какъ же теперь поступить.
Въ Феѣ все нѣжно,
Все безмятежно,
Страшное слово—убить.

Но на защиту
Легкую свиту

Фея скорѣй созывать,
Міръ комариный,
Царь муравьиный
Выслалъ опасную рать.

Мошки жужжали,
И верезжали
Тонкимъ своимъ голоскомъ.
О, муравейникъ,
Это—репейникъ
Тамъ, гдѣ все гладко кругомъ.

Съ войскомъ мушинымъ
Шелъ по долинамъ
Въ пламени грозномъ Свѣтлякъ.
Каждый толкачикъ
Прыгалъ какъ мячикъ,
Каждый толкачикъ былъ врагъ.

Врагъ муравейный
Выстрѣлъ ружейный
Дѣлалъ, тряся хоботкомъ.
Путь съ колеями,
Весь съ муравьями,
Былъ какъ траншеи кругомъ.

Небо затмилось,
Солнце укрылось,
Въ тучѣ сталъ громъ грохотать.
Каждая сила
Прочь отступила,
Вспугнута каждая рать.

Стягъ муравьиный
Листъ былъ рябины,
Онъ совершенно промокъ.

Знаменемъ Феи
Цвѣтъ былъ лилеи,
Весь его смялъ вѣтерокъ.

Споръ тотъ жестокій
Тьмой черноокой
Конченъ былъ прямо ни въ чью.
Выяснимъ, право,
Мошкамъ ли слава,
Слава ль въ войнѣ Муравью?

ВОЛКЪ ФЕИ.

Странный Волкъ у этой Феи.
Я спросилъ его: Ты злой?—
Онъ лизнулъ цвѣтокъ лилеи,
И мотнулъ мнѣ головой.

Это прежде, молъ, случалось,
Въ старинѣ былыхъ годовъ.
Злость моя тогда встрѣчалась
Съ Красной Шапочкой лѣсовъ.

Но, когда Охотникъ рьяный
Распоролъ мнѣ мой животъ,
Вдругъ исчезли всѣ обманы,
Все пошло наоборотъ.

Сталъ я кроткій, сталъ я мирный,
Здѣсь при Феѣ состою,
На балахъ, подъ рокотъ лирный,
Подвываю и пою.

Въ животѣ же, плотно сшитомъ,
Не убитые теперь.

Я кормлюсь травой и житомъ,
Я хоть Волкъ, но я не звѣрь.—

Такъ прошамкалъ Волкъ мнѣ сѣрый,
И въ амбаръ съ овсомъ залѣзъ.—
Я жъ, дивясь ему безъ мѣры,
Поскорѣй въ дремучій лѣсъ.

Можетъ, тамъ другой найдется
Сѣрый Волкъ и злющій Волкъ.
Порохъ праздника дождется,
И курокъ ружейный—щелкъ.

А ужъ этотъ Волкъ, лилейный,
Лирный, мирный, и съ овсомъ,
Пусть онъ будетъ въ сказкѣ фейной,
И на ты съ дворовымъ псомъ.

ФЕЯ И БРОНЗОВКА.

Бронзовка—жукъ изумрудный,
Очень пріятный для взгляда.
Въ дружбѣ онъ жилъ обоюдной
Съ Феей волшебнаго сада.

Вмѣстѣ по дикой рябинкѣ
Въ часъ проходили урочный.
Вмѣстѣ вкушали росинки,
Съ пылью мѣшая цвѣточной.

Вмѣстѣ дождались расцвѣта
Яркаго пышнаго Мая.
И съ наступленіемъ Лѣта
Скрылись изъ этого края.

ФЕЯ И СНѢЖИНКИ.

Катаясь на конькахъ,
На льду скользила Фея.
Снѣжинки, тихо рѣя,
Рождались въ облакахъ.
Родились—и скорѣй,
Сюда, скорѣй, скорѣе.
Изъ міра снѣжныхъ фей
Къ земной скользящей Феѣ.

ТРИ ПЕСЧИНКИ.

„Что можно сдѣлать изъ трехъ песчинокъ?“
Сказала какъ-то мнѣ Фея водъ.
Я далъ букетикъ ей изъ былинокъ,
И въ трехъ песчинкахъ ей далъ отчетъ.

Одну песчинку я брошу въ Море,
Ей будетъ любо, тамъ въ глубинѣ.
Другая будетъ въ твоемъ уборѣ,
А третья будетъ на память мнѣ.

ШЕЛКОВИНКА.

Изъ тонкой шелковинки я ниточку пряду,
По тонкой шелковинкѣ тебя я поведу.
Кусочекъ перламутра—лампадочка моя,
Въ жемчужные покои войдемъ мы, ты и я.

Я тамъ тебѣ открою атласную кровать,
И бабочки намъ будутъ воздушно танцовать.
И тонко такъ, хрустально, подобные ручью,
Намъ часики смѣшные споютъ: „Баю-баю“.

ДѢТСКІЙ МІРЪ

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

Бѣлки, зайки, мышки, крыски,
Землеройки, и кроты,
Какъ вы вновь мнѣ стали близки!
Снова дѣтскіе цвѣты.

Незабудки расцвѣтаютъ,
Маргаритки щурятъ глазъ,
Подорожники мечтаютъ—
Вотъ роса зажжетъ алмазъ.

Вплоть до самой малой мошки,
Близокъ сталъ мнѣ міръ живыхъ,
И змѣистыя дорожки
Повели къ кустамъ мой стихъ.

А въ кустахъ, гдѣ все такъ дико,
Притаился хмурый ежъ.
Вонъ краснѣетъ земляника,
Сколько ягодъ здѣсь найдешь!

Всѣ цвѣты на зовъ отвѣтятъ,
Развернувъ свои листки.
А въ ночахъ твой путь освѣтятъ
Между травокъ свѣтляки.

УТРО.

Дѣточка, птичка моя,
Дверку открой.
Это я,
Мальчикъ твой.
Ты котенкомъ меня назвала,
Ты сказала мнѣ—мальчикъ, поэтъ.
Ты причудливой съ первыхъ мгновеній была,
И ко мнѣ возвратилось младенчество лѣтъ.
Я принесъ тебѣ свѣжіе маки съ росой,
Зацѣлую тебя, свѣтлоглазка моя.
Ну, скорѣй же, открой,
Это я.

У ЧУДИЩЪ.

Я былъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ.
Тамъ все какъ прежде. Сидитъ Яга.
Пищали мыши, и рылись въ крошкахъ.
Старуха злая была строга.

Но я былъ въ шапкѣ, былъ въ невидимкѣ.
Стянулъ у Старой двѣ нитки бусъ.
Разгнѣвалъ Вѣдьму, и скрылся въ дымкѣ.
И вотъ со смѣхомъ кручу свой усъ.

Пойду, пожалуй, теперь къ Кощею.
Найду для пѣсенъ тамъ жемчуговъ.
До самой пасти приближусь къ Змѣю.
Узнаю тайны—и былъ таковъ.

СКАЗОЧКИ.

Помнишь, миленькій дружокъ,
Помнишь, дѣточка моя:
„Пѣтушокъ, да пѣтушокъ,
„Золотой онъ гребешокъ",
Сказку сказывалъ я.

Засмѣялась ты въ отвѣтъ,
Засмѣялась: „Ха, ха, ха!
„Вотъ какой смѣшной поэтъ!
„Не хочу я, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Говорить про пѣтуха".

Я про козлика тогда
Началъ сказку говорить,
И журчала намъ вода.
Если бъ, если бъ намъ всегда
Въ этихъ сказочкахъ быть!

ЗАИНЬКА.

Заинька бѣленькій хвостикомъ моргалъ,
Заинька въ садикѣ вкуснаго искалъ.
Заиньку въ садикѣ садовникъ увидалъ,
Выстрѣлилъ въ заиньку, выстрѣлъ не попалъ.

Заинька прочь ушелъ, пошелъ онъ въ огородъ,
Въ грядкахъ капустныхъ сталъ сильный недочетъ.
Заиньку отдали амкѣ подъ надзоръ,
Амкаетъ амка, но зайка ловкій воръ.

Заиньку бѣлаго вьюга бережетъ,
Заиньку полночь въ обиду не даетъ.
Заиньку бѣлаго ежели убьютъ,
Что же намъ пѣсенки веселыя споютъ!

КОШКИНЪ ДОМЪ.

Мышка спичками играла,
Загорѣлся кошкинъ домъ.
Нѣтъ, давай начну сначала,
Мышка спичками играла,
Передъ Васькой, предъ котомъ.

Промяукнулъ онъ на мышку,—
А она ему: „Кисъ-кисъ“.
„Нѣтъ“, сказалъ онъ, „это—лишку“,
И за хвостикъ хвать плутишку,
Вдругъ усы его зажглись.

Котъ мякать, котъ метаться,
Загорѣлся кошкинъ домъ.
Тутъ бы кошкѣ догадаться,
А она давай считаться,
Все поставила вверхъ дномъ.

Погубила ревность злая,
Кошкинъ домъ сгорѣлъ до тла.
„Этой мышкѣ помогла я“,
Спичка молвила, пылая.—
Мышка до сихъ поръ цѣла.

ДѢТСКАЯ ПѢСЕНКА.

Одуванчикъ вздумалъ взять
Замужъ маргаритку.
А червякъ, чтобъ не отстать,
Замужъ взялъ улитку.

И ликуютъ два цвѣтка,
Счастливы другъ другомъ.

И улитка червяка
Назвала супругомъ.

Но мгновенно улетѣлъ
Одуванчикъ бѣлый.
Маргариткѣ былъ удѣлъ
Стать вдовой несмѣлой.

А съ улиткой каблукомъ
Вмигъ была расправа,
Что же стало съ червякомъ,
Я не знаю, право.

ГЛУПЕНЬКАЯ СКАЗКА.

Курочки-хохлаточки
По дворику ходили.
Улиточки-рогаточки
По травкамъ слѣдъ водили.

Черненькая бархатка
Въ платьицѣ запала.
Черненькая бархатка
Въ складочкахъ пропала.

Дѣточка закрыла
Усталые глазки.
Дышитъ—и не слышитъ
Глупенькой сказки.

ТРЯСОГУЗКА.

Трясогузка, возлѣ лужи,
Хвостъ тряся изподтишка,
Говорила: „Почему же
„Всѣмъ стихи,—мнѣ нѣтъ стишка?

„Я ли бѣгаю не прытко?
„Я ли мошекъ не ловлю?
„Иль стихамъ нужна улитка?
„Вотъ ужь гадость. Не терплю".

Трясогузка, чудо-птица,
Ты милѣй мнѣ яркихъ звѣздъ.
Ты... Но скрылась баловница,
Повернувъ свой быстрый хвостъ.

СМѢШНОЙ СТАРИКЪ.

Вотъ какой смѣшной старикъ,
Школьный дядька нашъ.
Далъ намъ много скучныхъ книгъ,
Но забылъ смѣшной старикъ
Дать цвѣточныхъ чашъ.

Вотъ мы книги въ тотъ же мигъ,—
Разъ, и пополамъ.
Тутъ поднялся смѣхъ и крикъ,
Позабытъ смѣшной старикъ,
Въ садъ скорѣй, къ цвѣтамъ.

Книги пусть читаетъ онъ,
У него очки.
Онъ такъ старъ и такъ ученъ,
Намъ пріятнѣй видѣть кленъ,
Хмѣль и васильки.

Книги пусть читаетъ онъ,
И сидитъ въ шкафахъ.
Мы же любимъ небосклонъ,
Вольныхъ смѣховъ свѣтлый звонъ,
Садъ въ живыхъ цвѣтахъ.

ГНОМЫ.

На лугу большія кучи
Свѣже-вырытой земли.
Лѣто. Жарко. Полдень жгучій.
Дымъ стоитъ вдали.

Кто здѣсь рылся? Можетъ, гномы,
Всей смѣшной толпой своей,
Строятъ нижніе хоромы
Для своихъ царей?

Города во тьмѣ возводятъ,
Строятъ замки подъ землей,
И, уродливые, ходятъ
Подъ моей ногой?

Зажигаютъ вырѣзныя
Лампы въ царствѣ темноты?
Нѣтъ, ошибся. То—слѣпые
Черные кроты.

РУСАЛОЧКА.

Русалка съ звонкимъ хохоткомъ,
Такимъ хрустально-чистымъ,
И въ этомъ воздухѣ ночномъ,
Такъ лунно серебристомъ,

Меня звала, и мнѣ плела
Такія небылицы,
Моя разумность вдругъ прошла,
И сталъ я легче птицы.

И въ воду, прямо въ воду къ ней,—
Удержатъ ли обрывы!

Но, горе храбрости моей,
Русалочки смѣшливы.

Я захлебнулся, чуть дышу,
Онѣ меня щекочутъ,
Какъ лягушонокъ, я пляшу,
А имъ-то что, хохочутъ.

И надавали мнѣ шлепковъ,
Такихъ, сказать обидно.
Мелькнулъ ихъ рой, и былъ таковъ.
Я—мокрый! Какъ мнѣ стыдно!

ЗА ГРИБАМИ.

Вотъ мы дружною семьей—
За грибами, въ лѣсъ.
Я да онъ, да ты со мной,
Старый лѣсъ воскресъ.

Былъ онъ тихій—темный боръ,
Пасмурно глядѣлъ.
А какъ нашъ раздался хоръ,
Весь онъ загудѣлъ.

Закрутился теноръ твой,
Загремѣлъ мой басъ,
Нашъ товарищъ фистулой
Подбодряетъ насъ.

Бѣлка слушала во снѣ,
И съ размаху—прыгъ.
Тамъ сорока въ вышинѣ
Подняла свой крикъ.

Можжевельникъ зашуршалъ,
Вонъ тамъ чей-то глазъ.
Это лѣшій побѣжалъ,
Испугавшись насъ.

Ну, товарищи, впередъ,
Вразсыпную вдругъ.
Тотъ, кто первый—грибъ найдетъ,
Онъ мой лучшій другъ.

Только, братцы, примѣчай,
Вотъ вамъ уговоръ:
Чтобы этотъ грибъ, пускай,
Былъ не мухоморъ.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Дѣтка, хочешь видѣть Рай?
Все забудь и засыпай.
Лишь храни мечту свою,
Баю-баюшки-баю.

Ты устала, отдохни,
Въ Небѣ свѣтятся огни
И лампадка говоритъ:
Спи, малютка, Небо спитъ.

Баю-баю-баю-бай,
Потихоньку засыпай.
Что увидишь ты во снѣ,
Разскажи по-утру мнѣ.

Ты увидишь свѣтлый Рай,
Въ немъ цвѣты себѣ сбирай.
Будемъ вмѣстѣ мы въ Раю,
Баю-баюшки-баю.

РОДНИКЪ.

Прочь отъ елочки хмурной,
Мимо розъ и гвоздикъ,
До сирени лазурной
Пробѣгаетъ родникъ.

Отдаетъ онъ прохладу
И листамъ и цвѣтамъ,
Серебрится по саду,
Потерялся вонъ тамъ.

За зеленой оградой,
Гдѣ летаютъ стрижи,
Онъ возникъ серенадой
Въ честь желтѣющей ржи.

НОВЫЙ ДЕНЬ.

Небосводъ сегодня новый,
Свѣжій, свѣтлый, бирюзовый,
За ночь мылся онъ дождемъ,
У зари онъ занялъ, рано,
И бѣлила, и румяна,
И лазурности притомъ,
Отъ лучистой желтой пыли
Облака его прикрыли
Вскипомъ бѣлыхъ покрывалъ,
И звенитъ нашъ день веселый,
И припали къ розамъ пчелы,
Нѣжа розовый бокалъ.

РАКОВИНКИ.

Раковинки, камешки, игрушки,
Сказки-травки въ зеркалѣ рѣки.
Жилъ Старикъ и говоритъ Старушкѣ:—
Мы съ тобой зачахнемъ отъ тоски.

Говоритъ Старушка: Что же, Старый,
Создавай ты Море для людей.
Я создамъ ручьи, лѣсныя чары,
Жить тогда намъ будетъ веселѣй.

Люди кораблей себѣ настроятъ,
Будутъ пѣть, браниться, и кричать.
Если жь мысли ихъ забезпокоятъ,
Ключъ лѣсной имъ будетъ отвѣчать.

Дѣти прибѣгутъ играть на взморье,
Море что и броситъ для дѣтей.
Имъ забава, намъ, сѣдымъ, подспорье,
Будетъ Старымъ въ мірѣ веселѣй.

Зашумѣло Море кругземное,
Притаились по лѣсамъ ручьи.
Помолчатъ—и разольются вдвое,
Парусъ забѣлѣлъ, бѣгутъ ладьи.

И живетъ Старикъ, легко Старушкѣ,
По ручьямъ проходятъ огоньки.
Свѣтятъ травки, малыя подружки,
Раковинки, камешки, пески.

ЦВѢТОКЪ.

Отчего цвѣтетъ цвѣтокъ,
Разгадать никто не могъ.
Но цвѣтокъ всегда цвѣтетъ,
День за днемъ, за годомъ годъ.

И за годомъ годъ, всегда,
Свѣтитъ вечеромъ Звѣзда.
И для насъ, вѣка вѣковъ,
Нѣтъ разгадки лепестковъ.

Но зачѣмъ разгадка мнѣ,
Если я молюсь Веснѣ,
Если я въ вечерній часъ
Радъ, что вотъ, Звѣзда зажглась.

Но зачѣмъ загадка сновъ,
Если нѣженъ ликъ цвѣтовъ,
Если вводятъ насъ цвѣты
Въ вѣчный праздникъ Красоты.

БЫЛИНКИ

КАКЪ Я ПИШУ СТИХИ.

Рождается внезапная строка,
За ней встаетъ немедленно другая,
Мелькаетъ третья ей издалека,
Четвертая смѣется, набѣгая.

И пятая, и послѣ, и потомъ,
Откуда, сколько, я и самъ не знаю,
Но я не размышляю надъ стихомъ,
И, право, никогда—не сочиняю.

ЛУЧШЕ.

Я не хотѣлъ бы стать грозой,
Въ ней слишкомъ-слишкомъ много грома.
Я бъ лучше сдѣлался росой,
Ей счастье тихое знакомо.

Я бъ лучше сдѣлался цвѣткомъ,
Какъ цвѣтъ расцвѣлъ бы самый малый.
Ему не нуженъ шумъ и громъ,
Чтобъ быть счастливымъ въ грезѣ алой.

ЗЕРНО.

Трудовыя мечты,
Золотое зерно.
Торжество Красоты,
Какъ мнѣ близко оно!

Какъ мнѣ радостенъ видъ
Лошаденки простой!
Въ глыбахъ пашни скользитъ
Солнца лучъ золотой.

Озимыя поля,
Созрѣваніе нивъ.
Молодая земля,
Ликъ твой вѣчно-красивъ.

Серпъ съ косою—мечи!—
И побѣдность сохи
Мнѣ поютъ какъ лучи,
Мнѣ горятъ какъ стихи.

Сынъ Земли я и Дня,
Неразрывно звено.
И въ душѣ у меня
Золотое зерно.

РОСИНКА.

Росинка дрожала
На тонкомъ листкѣ.
Рѣчонка дышала,
Шурша въ тростникѣ.

Въ росинку гляжу я,
И вижу, что въ ней
Играетъ, ликуя,
Такъ много огней.

Зеленый и синій,
И красный, горятъ,
И бѣлый, какъ иней,
И свѣтлый, какъ взглядъ.

Всѣ краски люблю я,
Плѣнительный видъ,
Нѣжнѣй поцѣлуя,
Росинка горитъ.

Данъ мигъ ей лишь краткій,
Исчезнетъ потомъ.
Но листъ ей, украдкой,
Здѣсь выстроилъ домъ.

Ихъ еле замѣтишь,
Такъ малы они.
Но гдѣ же ты встрѣтишь
Такіе огни?

ЛѢСНЫЕ КОРАЛЛЫ.

Зеленыя мшинки
Росли на соснѣ.
Изумрудныя жили пушинки
Въ лѣсномъ зачарованномъ снѣ.
Сосны были огромны,
Многозвонно гудѣлъ этотъ боръ.
Но кораллы зеленые мшинокъ, мечтательно скромны,
Не слыхали вершиннный тотъ хоръ.
И не видѣли мшинки,
Какъ лѣсные цвѣты,
Затаивши росинки,
Раскрывали тревожно листы.
Ничего не хотѣли они, лишь расти и расти, умножая
Острова изъ коралловъ зеленыхъ на сѣрой смолистой корѣ,
Никому не мѣшая,
И свѣтясь подъ лучомъ, и трикратно свѣтясь на зарѣ.

КАПЛИ СМОЛЫ.

Липкія капли смолы
Съ этой сосны мы сберемъ.
Богу лѣсному хвалы
Голосомъ свѣтлымъ споемъ.

Яркій воздвигнемъ костеръ,
Много смолистыхъ вѣтвей.
Будетъ онъ радовать взоръ
Пляской змѣистыхъ огней.

Капли душистой смолы
Будутъ горѣть, какъ свѣча.
Богу лѣсному хвалы,
Радость огней горяча.

ГРОЗОВОЙ КОСТЕРЪ.

Въ небѣ духи жгли костеръ,
Грозовые исполины.
Раскаленные рубины
Освѣтили грани горъ.

Былъ раскидистымъ закатъ,
Захватилъ въ горахъ изломы.
Мигъ, и вотъ хохочутъ громы,
Набѣгающе гремятъ.

Весь надоблачный просторъ
Былъ—надъ царствомъ горъ взметенный,
Исполинами зажженный,
Торжествующій костеръ.

БЕРЕЗА.

Береза родная, со стволомъ серебристымъ,
О тебѣ я въ тропическихъ чащахъ скучалъ.
Я скучалъ о сирени въ цвѣту, и о немъ, соловьѣ голосистомъ,
Обо всемъ, что я въ дѣтствѣ съ мечтой обвѣнчалъ.
Я былъ тамъ далеко,
Въ многокрасочной пряности пышныхъ ликующихъ странъ.
Тамъ зловѣщая пума враждебно такъ щурила око,
И предъ быстрой грозой оглушалъ меня ревъ обезьянъ.
Но, тихонько качаясь,
На тяжеломъ, чужомъ, мексиканскомъ сѣдлѣ,
Я душою дремалъ, и, воздушно во мнѣ расцвѣчаясь,
Возставали родимыя тѣни въ серебряной мглѣ.
О, весеннія грозы!
Дѣтство съ вѣткой сирени, въ вечерней тиши соловей,
Зыбь и шопотъ листвы этой милой плакучей березы,
Зачарованность сновъ—только разъ расцвѣтающихъ дней!

СМѢХЪ РЕБЕНКА.

Смѣхъ ребенка за стѣной,
Близко отъ меня,
Вѣетъ свѣжею весной,
Говоритъ о власти дня.

Это сказка, это сонъ,
Что изъ нѣжныхъ струй
Легкій стебель вознесенъ,
Воплощенный поцѣлуй.

Легкій стройный стебелекъ,
Съ ласковымъ цвѣткомъ,
Завязь, въ мірѣ, новыхъ строкъ,
Птичка съ свѣтлымъ хохолкомъ.

Птичка съ свѣтлымъ голоскомъ,
Пой мнѣ безъ конца,
Будь мнѣ сказкой, будь цвѣткомъ,
Будь улыбкою лица.

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ.

Анютины глазки,
Жасминъ, маргаритки,
Вы—буквы на свиткѣ
Поблекнувшей сказки.

Вы гдѣ-то дышали,
Кому-то свѣтили,
Безъ слезъ, безъ печали,
Вы жили, вы были.

И вотъ чрезъ мечтанья,
Воздушны и зыбки,
Вы шлете сіянья,
Дарите улыбки.

Вы шлете мнѣ ласки,
Въ безсмертномъ избыткѣ,
Жасминъ, маргаритки,
Анютины глазки.

БАБОЧКА.

Помню я, бабочка билась въ окно.
Крылышки тонко стучали.
Тонко стекло, и прозрачно оно.
Но отдѣляетъ отъ дали.

Въ Маѣ то было. Мнѣ было пять лѣтъ.
Въ нашей усадьбѣ старинной.
Узницѣ воздухъ вернулъ я и свѣтъ.
Выпустилъ въ садъ нашъ пустынный.

Если умру я, и спросятъ меня:—
Въ чемъ твое доброе дѣло?—
Молвлю я: Мысль моя майскаго дня
Бабочкѣ зла не хотѣла.

ЗОЛОТОЙ И СИНІЙ.

Солнечный подсолнечникъ, у тына выросъ ты.
Солнечные издали намъ видны всѣмъ цвѣты.
На поляхъ мы полемъ здѣсь нашъ красивый ленъ.
Къ голубому льну идетъ золотистый сонъ.

Съ Неба оба намъ даны на земныхъ поляхъ.
Ярки въ цвѣтѣ, темны вы въ сочныхъ сѣменахъ.
Утренній подсолнечникъ, ты—солнце на землѣ.
Синій ленъ, ты—лунный ликъ, ты свѣтъ луны во мглѣ.

ПАУТИНКИ.

Отъ сосны до сосны паутинки зажглись,
Протянулись, блеснули, качаются.
Вотъ потянутся вверхъ, вотъ ужь выблются внизъ,
И осеннимъ лучомъ расцвѣчаются.

Какъ ни нѣженъ, дитя, дѣтскій твой поцѣлуй,
Онъ порвалъ бы ихъ тонкимъ касаніемъ.
Лучъ осенній, свѣти, и блести, заколдуй
Двѣ души паутинымъ сіяніемъ.

ОНЪ СПРОСИЛЪ МЕНЯ.

Онъ спросилъ меня:—Ты вѣришь?—
Нерѣшительное слово!
Этимъ звукомъ не измѣришь
То, въ чемъ есть моя основа.

Да не выражу я блѣдно,
То, что ярко ощущаю.—
О, съ бездонностью, побѣдно,
Ослѣпительно—я знаю!

БЕЗСМЕРТНИКИ.

Безсмертники, внѣ жизни, я мальчикъ былъ совсѣмъ,
Когда я васъ увидѣлъ, и былъ предъ вами нѣмъ.
Но чувствовалъ я то же тогда, что и теперь:—
Вы тонкій знакъ оттуда, куда ведетъ насъ дверь.

Тяжелая, съ замками, вся расписная дверь,
Съ однимъ лишь словомъ въ скрипѣ, когда отворишь:—Вѣрь.—
Безсмертники, я знаю. Чего намъ медлить тутъ?
Мы жили здѣсь. Довольно. Насъ въ новый міръ зовутъ.

ВЕСЕЛАЯ ОСЕНЬ.

Щебетанье воробьевъ,
Тонкій свистъ синицъ.
За громадой облаковъ
Больше нѣтъ зарницъ.

Громы умерли на днѣ
Голубыхъ небесъ.
Весь въ пурпуровомъ огнѣ
Золотистый лѣсъ.

Вѣтеръ быстрый пробѣжалъ,
Колыхнулъ парчу.
Цвѣтъ рябины алымъ сталъ,
Пѣснь поетъ лучу.

Въ грезѣ красочной я длю
Звонкую струну.
Осень, я тебя люблю,
Такъ же, какъ Весну.

ОСЕННЯЯ РАДОСТЬ.

Радость можетъ ждать на каждомъ поворотѣ.
Не грусти. Не надо. Посмотри въ окно.
Осень, въ желтыхъ листьяхъ, въ нѣжной позолотѣ,
Медленно колдуетъ. Что намъ суждено?

Развѣ мы узнаемъ? Развѣ разгадаемъ?
Будемъ ждать, что чары улыбнутся намъ.
Пляска мертвыхъ листьевъ завершится Маемъ.
Лютики засвѣтятъ снова по лугамъ.

Даже и сегодня... Умъ предавъ заботѣ,
Шелъ я, хмурый, скучный, по лѣсной глуши,
Вдругъ, на самой тропкѣ, да, на поворотѣ,
Красный цвѣтъ мелькнулъ мнѣ въ ласковой тиши.

Спѣлая рябина прямо предо мною,
Алая калина тутъ же рядомъ съ ней.
Мы нарвемъ вѣтвей ихъ на зиму съ тобою,
Предъ окномъ повѣсимъ комнатки твоей.

Прилетитъ снигирь, смѣшной и неуклюжій,
Раза два чирикнетъ, клюнетъ, да и прочь.
И мятель завоетъ, все затянетъ стужей,
Но зимой, предъ лампой, такъ уютна ночь.

И пока на вспольѣ будутъ свиты вьюги,
Сонъ тебя овѣетъ грезой голубой.
„Милый, что я вижу! Лютики на лугѣ!
„Хороводы травокъ! Ахъ, и я съ тобой!“

ОСЕНЬ.

Поспѣваетъ брусника,
Стали дни холоднѣе.
И отъ птичьяго крика
Въ сердцѣ только грустнѣе.

Стаи птицъ улетаютъ,
Прочь, за синее Море.
Всѣ деревья блистаютъ
Въ разноцвѣтномъ уборѣ.

Солнце рѣже смѣется,
Нѣтъ въ цвѣтахъ благовонья.
Скоро Осень проснется,
И заплачетъ спросонья.

ОСЕННІЙ ВОЗДУХЪ.

Пахнетъ грибами, листомъ перепрѣлымъ,
Пахнетъ и чѣмъ-то другимъ,
Точно горѣлымъ.
Въ синей дали наползающій медленный дымъ.
Дымъ и ползетъ, и какъ будто бы ждетъ онъ чего-то,
Будто бы онъ говоритъ:
Вотъ я, идите же.
Это горитъ
Торфяное болото.

ИЗМОРОЗЬ.

Журавли потянули.
Улетаютъ на Югъ.
Лѣсъ—въ немолкнущемъ гулѣ.
Вѣтры сильно дохнули.
Затуманился лугъ.
Утромъ изморозь млѣетъ,
На травѣ, на окнѣ.
Кто-то вѣетъ и рѣетъ,
Хочетъ власти—не смѣетъ,
Но отсрочка лишь въ днѣ.

БУСИНКИ.

Мороситъ. Какъ бы росинки
Возникаютъ на рукахъ,—
Эти чудо-бисеринки,
Этотъ нѣжный, влажный прахъ.
Эти бусинки свиданья
Чуть блеснутъ, и вотъ ихъ нѣтъ.
Лишь на краѣ одѣянья—
На минутку—свѣтлый слѣдъ.

КЪ ЗИМѢ.

Лѣсъ совсѣмъ ужь сталъ сквозистый,
Рѣдки въ немъ листы.
Скоро будетъ снѣгъ пушистый
Падать съ высоты.
Опушитъ намъ окна наши,
Въ дѣтской и вездѣ.
Загорятся звѣзды краше,
Ледъ прильнетъ къ водѣ.
На конькахъ начнемъ кататься
Мы на звонкомъ льду.

Будетъ смѣхъ нашъ раздаваться
Въ паркѣ на пруду.
А въ затишьи комнатъ—прятки,
Въ четъ и нечетъ—счетъ.
А потомъ настанутъ Святки,
Снова Новый Годъ.

СѢДОЙ ОДУВАНЧИКЪ.

Одуванчикъ, цѣлый міръ,
Круглый какъ земля,
Ты зовешь меня на пиръ,
Серебря поля.

Ты мнѣ ясно говоришь:
Расцвѣтай съ Весной.
Будетъ нѣга, будетъ тишь,
Будь въ весельи мной.

Посѣдѣешь, отцвѣтешь,
Разлетишься весь.
Но тоска и страхи—ложь,
Счастье вѣчно здѣсь.

Посѣдѣешь, но сѣдой
Помни свой чередъ.
Будешь снова золотой,
Утромъ, черезъ годъ.

ИЗМѢНЧИВОСТЬ.

Одуванчикъ Желтымъ былъ,
Сдѣлался сѣдымъ.
Жаръ огня меня слѣпилъ,
Но надъ нимъ былъ дымъ.

Листья были изумрудъ,—
Желто-красенъ лѣсъ.
Ну, такъ что жь, зови на судъ
Произволъ Небесъ.

Все непрочно, молъ, вокругъ,
Хрупки жемчуга.
Мнѣ же милъ мой вешній лугъ,
Любы и снѣга.

И прекраснѣе всего
Въ снѣ, чье имя—дымъ,
То, что каждый мигъ его
Дѣлаетъ инымъ.

ЗИМА.

Поля затянуты недвижной пеленой,
Пушисто-бѣлыми снѣгами.
Какъ будто навсегда простился міръ съ Весной,
Съ ея цвѣтками и листками.

Окованъ звонкій ключъ. Онъ у Зимы въ плѣну.
Одна мятель поетъ, рыдая.
Но Солнце любитъ кругъ. Оно хранитъ Весну.
Опять вернется, Молодая.

Она пока пошла бродить въ чужихъ краяхъ,
Чтобъ міръ извѣдалъ сновидѣнья.
Чтобъ видѣлъ онъ во снѣ, что онъ лежитъ въ снѣгахъ,
И вьюгу слушаетъ какъ пѣнье.

ОДУВАНЧИКЪ.

Въ безконечности стремленья безконечность достиженья,
Тотъ, кто любитъ утро Мая, долженъ вѣчно ждать Весны.
Въ каждомъ мигѣ быстролетномъ свѣтоносность есть внушенья,
Изъ песчинокъ создаются золотые сны.

Мигъ за мигомъ въ Небѣ вьются звѣздовидныя снѣжинки,
Съ вѣтромъ падаютъ на Землю, и лежатъ какъ бѣлый слой.
Но снѣжинки сонъ лелѣютъ, то—цвѣточныя пушинки,
Нѣжный свѣжій одуванчикъ съ влажною Весной.

СНѢЖИНКИ.

На дѣтскую руку упали снѣжинки,
На маломъ мизинчикѣ восемь ихъ было число.
Различную форму являли пушинки,
И всѣ такъ мерцали воздушно-свѣтло.
Вотъ крестики встали, вотъ звѣзды мелькнули,
Какъ мягокъ сквозистый ихъ свѣтъ.
По дѣтскію пальчики чуть шевельнули,—
И больше ихъ нѣтъ.

[illegible]

Мнѣ дѣвочка сказала!
Ты—мой Волшебный Фей,
О, нужно очень мало
Для полевыхъ стеблей!

Имъ дай лишь каплю влаги,
Имъ дай одинъ лишь лучъ,
И цвѣтъ расцвѣтшей саги
Въ безгласности пѣвучъ.

Свѣтлоголовкѣ малой
Я сказку разсказалъ.
Я былъ предъ тѣмъ усталый,
Предъ тѣмъ я духомъ палъ.

Изъ слезъ моихъ незримыхъ,
Изъ смѣха устъ моихъ,
Я слилъ—о серафимахъ
Прозрачно-свѣтлый стихъ.

И цвѣтъ раскрылся алый
Въ устахъ мечты моей,
И я—не мракъ усталый,
А я—Волшебный Фей.

ТОНЬШЕ.

Чѣмъ тоньше влажный прахъ, чѣмъ Влага безтѣлеснѣй,
Тѣмъ легче пѣнности слагаютъ кружева.
Чѣмъ ты въ своихъ мечтахъ свободнѣй и небеснѣй,
Тѣмъ обольстительнѣй, чудеснѣй
Твои слова.

РУСАЛКА.

На лазоревой водѣ, на жемчужныхъ берегахъ,
Плыла русалка въ блескѣ чудномъ.
Она глядѣла вдаль, скользила въ тростникахъ,
Была въ нарядѣ изумрудномъ.

На берегахъ рѣки, изъ цѣльныхъ жемчуговъ,
Не возникало травъ на склонахъ.
Но нѣжный изумрудъ былъ весь ея покровъ,
И нѣженъ цвѣтъ очей зеленыхъ.

Надъ нею догоралъ оранжевый закатъ,
Уже зажглась Луна опаломъ.
Но устремляла вдаль она лучистый взглядъ,
Плывя въ теченіи усталомъ.

Предъ ней звѣзда была межь дымныхъ облаковъ,
И вотъ она туда глядѣла.
И всѣ роскошества жемчужныхъ береговъ
За ту звѣзду отдать хотѣла.

СВѢТЛЫЙ МІРЪ.

Тонкій, узкій, длинный ходъ
Въ глубь земли мечту ведетъ.
Только спустишься туда,
Встрѣтишь замки изо льда.

Чуть сойдешь отсюда внизъ,
Разноцвѣтности зажглись.
Смотритъ чей-то свѣтлый глазъ,
Лунный камень и алмазъ.

Тамъ опалъ снѣжитъ, а тутъ
Расцвѣтаетъ изумрудъ.
И услышишь въ замкахъ тѣхъ
Флейты, лютни, нѣжный смѣхъ.

И увидишь чьихъ-то ногъ
Тамъ хрустальный башмачекъ.
Льды, колонны, свѣтъ, снѣга,
Нѣжность, снѣжность, жемчуга.

Тонкій, узкій, длинный ходъ
Въ этотъ свѣтлый міръ ведетъ.
Но, чтобъ знать туда пути,
Нужно бережно итти.

Злыя Чары

КНИГА ЗАКЛЯТІЙ

Долго ночь меркнетъ; заря свѣтъ запала; мгла поля покрыла.

Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; черныя тучи съ моря идутъ; хотятъ прикрыти четыре солнца; а въ нихъ трепещутъ синія молніи.

Слово о полку Игоревѣ

1906—Весна

ОТСВѢТЫ РАКОВИНЪ

О, жемчугъ словъ, отысканный въ морскихъ глубинахъ сердца, твои узоры красивы, но смыслъ твой горекъ, какъ морская вода.

Космогонія Майевъ

ЗОВЪ.

Я овѣянъ дыханьями многихъ морей,
Я склонялся надъ срывами горъ,
Я молился вѣтрамъ: „О, скорѣе, скорѣй!“,
Я во всемъ уходилъ на просторъ.

Я не знаю цѣпей, я не вѣдаю словъ
Возбранить чьи бъ то ни было сны,
Я для злѣйшихъ враговъ не хотѣлъ бы оковъ,
А желалъ бы улыбки весны.

Я не знаю тоски, я сильнѣе скорбей
На разгульномъ пиру бытія,
Я овѣянъ дыханьями вольныхъ морей,
Будьте вольными, братья, какъ я!

НО ЕСЛИ.

Но если ты снѣжный
И если морозный,—
Хотя я и нѣжный,
Все жь буду я грозный.

Рожденный отъ свѣта
Не знаетъ врага,
Но силой привѣта
Растопитъ снѣга.

Я вѣчная сила
Души полновольной,
Не помнитъ, что было,
Восторгъ мой безбольный.

Но если ты вдвое,
Да мучить другихъ,—
Иное, другое
Разскажетъ мой стихъ.

ОРГІЯ ЖИЗНИ.

Орелъ точитъ когти. Крадется волкъ прерій.
Сова направляетъ окольный полетъ.
Безжалостны птицы. Безъ жалости звѣри.
Безжалостность—свойство всѣхъ тѣхъ, кто живетъ.

Верховные геніи этого міра,
Зарѣзаннымъ горломъ мы кормимъ свой день.
Намъ трупы животныхъ—услада для пира,
Тутъ нѣжная дѣва—безчувственный пень.

Нерѣдко мы думаемъ, будто растенья
Суть алость улыбки и нѣжный цвѣтокъ.
Нѣтъ, въ мірѣ растеній—борьба, убіенье,
И петли ихъ усиковъ—страшный намекъ.

Ухватятъ, удушатъ, ихъ корни лукавы,
И цвѣтъ орхидеи есть ликъ палача.
Люблю я растенья, но травы—удавы
И тонкость осоки есть тонкость меча.

ТАЛИСМАНЫ.

Судьба на утрѣ дней дала мнѣ талисманы,
Число ихъ было три, и разны смыслы ихъ.
Одинъ меня повелъ въ невѣдомыя страны,
И тамъ я въ первый разъ влюбленный былъ женихъ.

Другой мнѣ изъяснилъ искусство завладѣнья
Сердцами,—я сердецъ покорныхъ не сочту.
А третій мнѣ явилъ тропинку нисхожденья—
Не въ глубину земли—въ меня, въ мою мечту.

И первый талисманъ, смѣясь, я бросилъ въ Море,
Второй швырнулъ въ окно, быть можетъ, подниму.
Но третій талисманъ—звѣзда въ моемъ уборѣ,
Я вѣрую теперь ему лишь одному.

ПИРЪ ЛЮБВИ.

Я бросилъ весело бокалъ.
Ребенокъ звонко хохоталъ.
Спросилъ его, чего онъ такъ.
Сквозь смѣхъ онъ молвилъ мнѣ:—Чудакъ!

Бокалъ любви разбилъ, но вновь
Захочешь пить, любить любовь.—
И въ тотъ же мигъ—о, какъ мнѣ быть?—
Я захотѣлъ любить и пить.

Куски я съ полу подобралъ,
Изъ нихъ составилъ вновь бокалъ.
Но, весь израненный, я вновь
Не сладость пилъ, а только кровь.

ГРѢХЪ.

Кто создалъ безумное слово,
О, слово постыдное:—Грѣхъ!
Чуть смоешь пятно, вотъ оно означается снова,
Мѣшаетъ, мѣняетъ, глушитъ, и уродуетъ смѣхъ.

Какъ жалкій воришка,
Запрячется въ спальню. въ углу притаится какъ мышь,
И смотритъ—межь двухъ не случится ли въ ласкахъ излишка,—
Скривится, чу, шорохъ: „Довольно“, „Не болѣе“, „Лишь“.

Лишь то, а не это. Лишь тотъ, и не съ этой, а съ тою.
Вотъ только. Вотъ столько. Шипѣнье, шуршанье змѣи.
О, дьяволъ убогій, кропишь ты святою водою,
Но гдѣ освятилъ ты поганыя брызги свои?

Прочь! Прочь, говорю я!
Здѣсь грѣшенъ лишь тотъ, кто осмѣлится вымолвить: „Грѣхъ“.
О, свѣжесть ручьевъ! О, смѣющійся звукъ поцѣлуя!
Весна и разливы! Счастливый ликующій смѣхъ!

СМѢНА ЧАРЪ.

Въ дѣтствѣ искра изъ камина
Брызнетъ, бросится—и намъ
Въ этомъ цѣлая картина,
Пляшутъ тѣни по стѣнамъ.

А позднѣй мы любимъ свѣчи,
И страницы старыхъ книгъ.
Послѣ сказокъ—сказку встрѣчи,
Поцѣлуй, любовь на мигъ.

Послѣ—пламенность, пожары,
Зажигать, сжигать, горѣть.
А потомъ—какія чары?
Только—умереть?

РЕБЕНОКЪ.

Ребенокъ, весь свѣтлый, такъ мило курчавый,
Сказалъ мнѣ: „Иду за тобой я,—а ты?
За кѣмъ?“ Распускались весеннія травы,
Пестрѣли, желтѣли цвѣты.
И я, разсмѣявшись, сказалъ: „За стихами.
Стихи—вонъ за тѣмъ мотылькомъ.
А онъ съ вѣтеркомъ—за цвѣтками,
И вмѣстѣ играютъ они лепесткомъ“.
—„А всѣ они вмѣстѣ?“—„За Солнцемъ веселымъ“.
—„А Солнце?“—„За Тьмою“.—„Какъ, Солнце за Тьмой?
Ты шутишь! Ты гадкій!“ О, медомъ тяжелымъ
Наполненъ цвѣтокъ полевой!

ДѢТСТВО.

Какъ прелестенъ этотъ бредъ,
Лепетъ дѣтскихъ словъ.
Предумышленности нѣтъ,
Нѣтъ въ словахъ оковъ.

Сразу—Солнце и Луна,
Звѣзды и цвѣты.
Вся Вселенная видна,
Нѣтъ въ ней темноты.

Все что было—здѣсь сейчасъ,
Все что будетъ—здѣсь.
Почему жъ ты, Міръ, для насъ—
Не ребенокъ, весь?

ТУЧКА.

Ты родилась, чтобъ тучкой быть,
Чтобъ небо нѣжить и любить.
Но, измѣненная судьбой,
Ужь ты не въ безднѣ голубой.

Ты небо нѣжила легко,
Ты тучкой рдѣла высоко,
Но въ страшный часъ, но въ бурный часъ,
Ты внизъ, слезами, пролилась.

ИЗБУШКА.

Въ лѣсу избушка малая
Стоитъ себѣ одна.
Дрема раскрылась алая,
Окончилась весна.

Настали дни расцвѣтные
Іюльской красоты.
Вновь думы безотвѣтныя:
О, гдѣ же, гдѣ же ты?

Надѣмъ цвѣтныя бусы я,
И сяду надъ рѣкой.
Поникнутъ косы русыя,
Я думаю съ тоской.

Ты мнѣ сказалъ: „Желанная!
Опять къ тебѣ приду".
И снова ночь обманная,
Опять напрасно жду.

Ужь листья осыпаются,
Ужь осень на дворѣ.
Ужь стаи птицъ скликаются,
За лѣсомъ, на зарѣ. -

И я ли не лелѣяла
Завѣтныя мечты!
А всѣ пхъ, всѣ развѣяло,
Какъ лѣтніе цвѣты.

Наплакалась, намучилась
Осенняя пора.
И плакаться соскучилась,
Уходитъ со двора.

Настали дни холодные,
Повсюду снѣгъ и ледъ.
Пути застыли водные,
И лишь мятель поетъ.

Сугробы треплетъ бѣлые,
Подъ кровлей шелеститъ.
За сучья онѣмѣлые
Зацѣпится, свиститъ.

Кричитъ какъ вѣдьма шалая,
И стонетъ тишина.
Моя избушка малая
Въ лѣсу одна, одна.

ДВА СТРОЯ.

1.

Я помню ясно. Все. Была весна.
Я боленъ, бѣденъ, жалокъ, я не понятъ.
Но развѣ не весной мечты хоронятъ?
Въ душѣ былъ страхъ, недвижность, глубина.

Я медлилъ у высокаго окна.
Мнѣ мнилось: за стѣною кто-то стонетъ.
Любимая, проклятая, жена—
Не слышно ей, что духъ мой, духъ мой тонетъ.

Я бросился на камни сквозь окно.
Но не было Судьбой мнѣ суждено
Достичь конца чудовищной ошибки.

И я лежалъ, разбитый, на землѣ.
И слышалъ, какъ вверху, въ лучистой мглѣ,
Роялю—отвѣчали звуки скрипки.

2.

Прошли года. Я въ прошломъ вновь. Живу.
Я въ память заглянулъ, какъ въ кругъ зеркальный.
Изломанный и спящій наяву,
Я въ пропасти какой-то, изначальной.

Недосягаемъ сводъ Небесъ хрустальный.
Заклятый замокъ жизни весь во рву.
Въ разъятости двухъ душъ, я, сонъ печальный,
Проклятымъ никого не назову.

Спасенный странной помощью Незримыхъ,
Я всѣ свои изломы исцѣлилъ.
Я всталъ съ земли въ сіяньи свѣжихъ силъ.

Но съ этихъ дней, сквозь смѣхъ, межъ двухъ любимыхъ,
Два строя звуковъ духъ мой различилъ:
Двойной напѣвъ—враговъ непобѣдимыхъ.

ВЪ МОРЯХЪ НОЧЕЙ.

„Прощай, мой милый!"—„Милая, прощай!"
Замкнулись двери. Два ключа пропѣли.
Дверь шепчетъ двери: „Что же, кончен Май?"
„—Какъ Май? Ужъ дни октябрьскіе приспѣли".

Стукъ, стукъ.—„Кто тамъ?"—„Я, это я, Мечта.
Открой!"—Стукъ, стукъ.—„Открой! Луна такъ свѣтитъ".
Молчаніе. Недвижность. Темнота.
На зовъ души какъ пустота отвѣтитъ!

„Прощай, мой милый. Милый! Ха! Ну, ну.
Еще въ ней остроумія довольно".
„—Онъ милой назвалъ? Вспомнилъ онъ весну?
Пойти къ нему? Какъ бьется сердце больно!"

Стукъ, стукъ.—„Кто тамъ?" Молчаніе. Темно.
Стукъ, стукъ.—„Опять! Закрыты плохо ставни".
Въ моряхъ ночей недостижимо дно.
Нѣтъ въ мірѣ власти—мигъ вернуть недавній!

ЗМѢИНЫЕ ВАЛЫ.

Окопы древніе, Змѣиные валы,
Извивно-тяжкія мечты подземной мглы,
Кругосозданія изъ марева бѣсовъ,
Какъ перебраться къ вамъ?—Черезъ бездонный ровъ.

Созвѣздья слитныя, вы, гроздья высоты,
Змѣиноликости, и ты, Луна, и ты,
Звѣзда Вечерняя, вѣнецъ свершенныхъ дней,
Гдѣ путь къ вамъ?—Чрезъ эѳиръ, въ которомъ нѣтъ путей.
О, души женскія, плѣненныя мечтой,
Вы, сочетавшія змѣиность съ красотой,
Вы, вы, желанныя, скажите, какъ къ вамъ путь?
—Черезъ бездонность глазъ. Дрожишь? Оставь. Забудь.

ОМУТЪ.

Надъ омутомъ, жутко-нѣмымъ, глянцевитымъ,
Ущербная свѣтитъ Луна,
Съ лицомъ опрокинутымъ, странно неслитымъ
Съ покоемъ полночнаго сна.

Но слитная страшно съ той пропастью властной,
Съ тѣмъ круглымъ застывшимъ жерломъ,
Гдѣ прошлою осенью, ночью ненастной,
Они утопились вдвоемъ.

Они, эти странные блѣдные люди,
Которыхъ встрѣчалъ я весной,
Когда расцвѣтали на влагѣ, какъ въ чудѣ,
Кувшинки подъ новой Луной.

ПРИЗРАКИ.

Птичка сѣрая летаетъ
Каждый вечеръ подъ окно.
Голосокъ въ кустахъ рыдаетъ,
Что-то кончилось давно.

Звуки бьются такъ воздушно,
Плачутъ тоньше, чѣмъ струна.
Но внимаютъ равнодушно
Міръ, и Небо, и Луна.

Надъ усадьбою старинной
Будто вовсе умеръ день.
Подъ окошкомъ тополь длинный
До забора бросилъ тѣнь.

Стало призракомъ свиданье,
Было сномъ, и стало сномъ.
Лишь воздушное рыданье
Словно память подъ окномъ.

Эти звуки тонко лились
Здѣсь и въ дѣдовскіе дни.
Ничему не научились
Ни потомки, ни они.

Вѣчно будетъ тополь длинный
Холить траурную тѣнь.
Въ сказкѣ счастья паутинной
Разъ былъ день, и умеръ день.

СѢВЕРНОЕ ВЗМОРЬЕ.

Небо свинцовое, солнце невѣрное,
Вѣтеръ порывистый, воды холодныя,
Словно приливная, грусть равномѣрная,
Мысли безплодныя, вѣкъ безъисходныя.

Здѣсь даже чайками даль не освѣтится,
Даже и тучкою только тумапится,
Раковинъ взору на взморьѣ не встрѣтится,
Камешкомъ яркимъ мечта не обманется.

Зимами долгими, скудными веснами
Думы подавлены, жизнь не взлелѣяна,
Море пустынное, съ темными соснами,
Кѣмъ ты задумано, кѣмъ ты осмѣяно?

НАДЪ МОРЕМЪ.

По взморью иду я, не этому взморью, что зримо,
Хоть каждый я день и по этому взморью хожу.
Надъ Моремъ тоскую, что странно-воздушнѣе дыма,
Гдѣ помыслы сердца свою отмѣчаютъ межу.

Пустыня буруновъ. Приливно-отливная сказка.
Извивность морей, пожелавшихъ воздушными стать.
Ихъ бѣлая смерть. И опять. И другая завязка.
Раскаты громовъ. И затишье. И мертвая гладь.

О, люди! Какъ жалко мнѣ васъ! Если бъ только вы знали!
Какой бы не принялъ я жертвы во имя людей?
Но нѣтъ разрѣшенья для нашей всемірной печали,
Какъ нѣтъ окончанья для пѣнья бездонныхъ морей.

ХОДЪ МОРЕЙ.

Неугомонный ходъ морей,
Темно-зеленыхъ водъ.
Нагроможденье голышей
Въ какой-то склепный сводъ.
И это въ долгой цѣпи дней,
И такъ за годомъ годъ.

Гдѣ Море—суша тамъ была,
Гдѣ суша—глыбы водъ.

Свѣтись, душа, пока свѣтла,
Все нѣжно, что цвѣтетъ.
Играй среди добра и зла,
Насъ въ свой чередъ зальетъ.

И будемъ мы, въ тѣ дни свои,
Идти какъ грозность водъ.
И если встрѣтимъ бѣгъ ладьи,
Она въ насъ гробъ найдетъ.
Мы будемъ въ темномъ забыты,
За годомъ долгій годъ.

НЕ ЗНАЮ.

Я забылъ, откуда я пришелъ,
Я, уйдя, не вспомню жизни здѣшней.
Я не знаю, мой ли произволъ
Создалъ свѣтлый призракъ съ дымомъ золъ,
Осень предрѣшилъ въ улыбкѣ вешней.

Можетъ быть, я самъ свой вѣчный врагъ,
Можетъ быть, подъ внѣшнимъ духъ склоняю.
Больно мнѣ, но это вѣчно такъ,
Я—письменъ безвѣстныхъ странный знакъ,
Вписанъ—да, но для чего—не знаю.

КРУТОВОРОТЪ.

Намъ всѣмъ дается день, одинъ, и ночь одна.
Потомъ проснемся мы, но утро—въ Запредѣльномъ.
Но въ этомъ днѣ одномъ есть осень и весна,
Весь долгій пышный годъ, съ своимъ узоромъ цѣльнымъ.

Мы не хотимъ понять, что нашъ круговоротъ
Включаетъ лѣсъ, поля, сады, луга, и горы,
Что въ немъ есть вся Земля, бездонность вѣчныхъ Водъ,
И Небеса небесъ, гдѣ пьютъ безсмертье взоры.

Мы не слѣдимъ за тѣмъ, какъ тайный циферблатъ
Мѣняется отъ двухъ кружащихся движеній.
И звукъ двѣнадцати, полночный бой распластъ,
Есть стонъ нежданности и вопли угрызеній.

И кладбище потомъ. И маски мертвыхъ лицъ.
Не тѣхъ, что умерли, а тѣхъ, что вотъ, все живы.
Какъ не похожи мы на рой отлетныхъ птицъ,
Какъ не похожи мы на золотыя нивы!

ДОМОЙ.

звукъ осенняго прибоя.

Прибой ростетъ,
Гудитъ, поетъ,
Прибой живетъ
Свинцовыхъ водъ.

Немолчный гулъ.
Весь міръ уснулъ.
Одни валы
Поютъ изъ мглы.

Поютъ, зовутъ
На грозный судъ
Неспящій умъ,
Укорность думъ.

Прошло, прошло,
Что такъ свѣтло
Смѣялось намъ,
Манило къ днямъ.

Растративъ дни,
Задувъ огни,
Ушли мы прочь
Отъ свѣта въ ночь.

И вотъ прибой
Намъ шлетъ гурьбой
Могильный рой:—
Въ гроба! Домой!

ЧУДОВИЩЕ СЪ КЛЕЙМОМЪ.

Я опустилъ свой лотъ. Мой лотъ—до дна морей.
Я смѣрилъ глубину всѣхъ внятныхъ океановъ.
Я былъ во всѣхъ домахъ. Стоялъ у всѣхъ дверей.
Вкусилъ отъ меда пчелъ. Извѣдалъ ядъ обмановъ.

Мнѣ имя—Легіонъ, средь геніевъ, чей знакъ—
Вопросъ, всегда вопросъ, повсюду вопрошанье.
Я раздвоилъ весь Міръ. Полярность. Свѣтъ и Мракъ.
Вновь слилъ я Свѣтъ и Тьму. И цѣльнымъ сдѣлалъ Зданье.

Но жить въ немъ не хочу. Я знаю всѣ углы.
Святая лѣтопись, но на звѣриной кожѣ.
Все—безразлично, что, кроты или орлы—
Чудовище съ клеймомъ: Всегда-Одно-и-То-же.

МОЛИТВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Боже, не дай мнѣ людей разлюбить до конца.
Вотъ уже сердце, съ мучительной болью, слабѣе, слабѣе.
Я не о нихъ, о себѣ умолю всекрасиваго Бога-Творца.
Отвращенье уродуетъ все выраженье лица.
Люциферъ свѣтелъ какъ Змѣй, но въ остывшемъ, уставшемъ, склонившемся Змѣѣ
Червь просыпается. Ненависть, вспыхнувъ огнемъ,
Падаетъ—до равнодушья, и стелется скользкимъ червемъ.
Страшно мнѣ. Лучше—любить недостойныхъ.
Думать нельзя бесконечно о войнахъ.
Лучше простить. Позабыть. Отдаваться. Иного не жаждать вѣнца.
Низкимъ отдать все свое. Но душою быть въ помыслахъ стройныхъ.
Боже, не дай, о, не дай мнѣ людей разлюбить до конца!

МІРОВЫЯ РОЗЫ.

КРИКЪ БѢЛОЛИКАГО.

Мнѣ снятся розы красныя,
И золотисто-чайныя,
И нѣжно-снѣжно-бѣлыя,
Но радости мнѣ нѣтъ.
Сверкапія прекрасныя,
Цвѣты необычайные,
Но стонутъ сны несмѣлые,
Что страшенъ черный цвѣтъ.

Мой садъ—Земля обширнал,
И весны въ немъ повторныя,
Сплетенья многозвѣздныя
Мѣняютъ свѣтъ и тьму.
Но таетъ сказка пирная,
Встаютъ видѣнья черныя,
И болты мнѣ желѣзные
Велятъ упасть въ тюрьму.

Какъ цѣпи снять ужасныя?
О, какъ сломлю тѣ болты я?
О, гдѣ вы, братья смѣлые?
Какъ снять намъ этотъ гнетъ?
Сперва царили Красные,
Потомъ царили Желтые,
Теперь кончаютъ Бѣлые,
За Черными чередъ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ПОЛЕ.

Ровное, чистое,
Поле пустое,
Путь убѣгаетъ—куда?

Къ недостижимому,
Счастью любимому.
Счастье, блеснешь ли когда?

Только пойдешь къ тебѣ,
Только речешь Судьбѣ:
Дай же мнѣ, дай мнѣ мой Рай,—
Поле мѣняется,
Путь затрудняется,
Рытвины, вотъ, примѣчай.

Темныя пропасти,
Страшныя лопасти
Жадно-разъятыхъ цвѣтовъ,
Дьяволомъ сѣянныхъ,
Вѣдьмой взлелѣянныхъ,
Вѣдьмой повторности сновъ.

Тѣхъ же все тающихъ,
Умъ ослѣпляющихъ,
Въ омутъ ведущихъ, во рвы.
Сонными чарами,
Чадомъ, кошмарами
Дышутъ всѣ стебли травы.

И засыпаешь ты,
Сонно блуждаешь ты,
Падаешь, тянешься ввысь.
Ты изуродованъ,
Весь обнародованъ,
Явность ты, липкость, и склизь.

Сыты ли лопасти?
Полны ли пропасти?
Кто ихъ наполнитъ, и чѣмъ?
Въ снахъ повторительныхъ,

Вѣчно-мучительныхъ,
Слѣпъ ты, и глухъ ты, и нѣмъ.

Вдругъ все окончено.
То, что утончено,
Рвется, блѣднѣетъ—и вотъ
Снова на волѣ ты,
Снова на полѣ ты,
Снова дорога—зоветъ.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА.

Кто найдетъ Одолень-траву, тотъ вельми себѣ талантъ обрящетъ на земли.

Народный Травникъ.

Одолень-трава,
Я среди чужихъ,
Стынутъ всѣ слова,
Замираетъ стихъ.
Я среди людей,
Нѣтъ житья отъ нихъ,
Помоги скорѣй,
Дай мнѣ спѣть мой стихъ.
Ты, какъ я, взросла
Межь полей, въ лѣсахъ,
Подъ Луной свѣтла
На нѣмыхъ волнахъ.
Ты печальница,
Нѣжный цвѣтъ твой бѣлъ,
Ты купальница,
Водяной прострѣлъ.

Пала молнія
Въ безглагольность водъ,
Пала молнія,
И цвѣтокъ цвѣтетъ.
Одолень-трава,
Ужь который годъ
Ты свѣтло-жива
Межь зеркальныхъ водъ.
Я блуждалъ, скорбя,
Межь пустыхъ полей,
Я нашелъ тебя,
Помоги скорѣй.
Одолѣй ты мнѣ
Не обрывы горъ,
Гдѣ на темномъ днѣ
Шепчетъ темный боръ.
О, не мракъ лѣсной,
И не тьму ночей,
И не омутъ злой,
И не ширь степей.
Одолень-трава,
Одолѣй ты мнѣ
Тѣхъ, въ комъ жизнь едва
Тлѣетъ въ тускломъ снѣ.
Кто, какъ мертвый гнетъ,
Тяготитъ мечты,
Межь зеркальныхъ водъ
Не узнавъ цвѣты.
Ты всегда жива,
Талисманъ лучей,
Одолень-трава,
Одолѣй людей.

МІРОВОЕ ДРЕВО.

Подъ старымъ дубомъ я сидѣлъ.
Кругомъ тепло, свѣтло.
А старый дубъ гудѣлъ и пѣлъ.
Я заглянулъ въ дупло.

Тамъ былъ пчелиный дикій рой.
Они жужжатъ, поютъ
Красавецъ лѣса вѣковой
Минутнымъ далъ пріютъ.

Не также ль мы жужжимъ, поемъ
Въ пещерахъ міровыхъ?
Въ дуплистомъ Небѣ, круговомъ,
Поемъ судьбѣ свой стихъ,

Но насъ не слышитъ Игдразиль
Таинственныхъ судебъ.
Мы въ медъ сольемъ цвѣтную пыль,
Но медъ нашъ сложимъ въ склепъ.

И лишь въ глубокій часъ ночей,
Когда такъ вѣщи сны,
Узоръ звѣздящихся вѣтвей
Намъ свѣтитъ съ вышины.

КЪ НЕБУ.

Небо, тебя я пою,
Напѣвомъ прерывнымъ.
Небо, тебя я пою,
Красоту голубую твою.
Но ты мнѣ не будешь отзывнымъ.
Все, что въ себѣ ты таишь, колыбель несосчитанныхъ звѣздъ,

Ты для себя создаешь, и лелѣешь, качаешь,
Бросишь кометы, планеты кругомъ расцвѣчаешь,
Бездну вспоишь и надъ бездною вытянешь мостъ.
Но на призывъ, на призывъ лишь загадками мнѣ отвѣчаешь,
Ты—водоемъ,
Вѣчно въ себя изъ себя истекаешь, играешь, колодецъ эѳирный.
Ты—водоемъ,
Взглянешь—утонешь въ богатствѣ твоемъ.
Если кому быть богатымъ, такъ Безднѣ, конечно, всемірной.
Роскошь твоя—безъ конца.
Только зачѣмъ же я бѣденъ?
Небо, быть можетъ, ты любишь, что падаютъ слезы съ лица?
Можетъ, кому я свѣчу, потому что отъ боли я блѣденъ?
Звѣзды вѣдь блѣдны на Млечномъ Пути.
Что жь, мое сердце, сердце людское,
Порвись и цвѣти.
Красокъ такъ много, возьми сочетанье любое,
Въ золотѣ, въ пурпурѣ можешь взрости,
Тѣшься, играй, расцвѣти, отцвѣти.
Въ Морѣ утонешь, красиво оно, голубое.

СВѢТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Твой вечеръ настанетъ, и вмѣсто всемірности вольнаго свѣта,
За Солнцемъ погасшимъ, затеплишь ты въ тѣсномъ покоѣ свѣчу.
Твой вечеръ настанетъ. Кончается лѣто.
За лѣтомъ? За осенью? Что́ тамъ? Молчу.
Мы любимъ, хотя намъ и жутко отъ тѣни,
Мы любимъ законченность комнатъ знакомыхъ съ узоромъ нѣмыхъ
половицъ.
Крыльцо на запорѣ. Не хрустнутъ ступени.
Нѣмыя!
Дрожатъ на стѣнѣ, какъ живыя,
Отраженья движеній.
И въ странномъ, въ какомъ-то церковномъ сближеньи сочетаются
блѣдности лицъ.

Безъ звука веселій,
Глаза утопаютъ въ глазахъ.
Что скрыто въ ихъ безднахъ? Въ нихъ духи сейчасъ пролетѣли?
Въ нихъ омутъ печали? Въ нихъ сказка свиданія? Страхъ?
Никто не придетъ къ вамъ. На версты кругомъ закрутились
завѣи мятели.
Не плачь и не бойся. Въ затѣяхъ-завѣяхъ мы тонемъ, но свѣтимъ,
какъ звѣзды въ ночахъ.

ПРИ МОРѢ ЧЕРНОМЪ.

При Морѣ черномъ стоятъ столбы.
Столбы изъ камня. Число ихъ восемь.
Приходятъ часто сюда рабы.
И сонмы юныхъ несутъ гробы.
Блѣднѣютъ зимы. И шепчетъ осень.

Порой и звѣри сюда дойдутъ.
Порой примчится сюда и птица.
И затоскуютъ? Что дѣлать тутъ?
Пойдутъ, забродятъ, и упадутъ,
Уставъ стремиться, уставъ кружиться.

При Морѣ черномъ стоятъ столбы.
Отъ дней додневныхъ. Число ихъ грозно.
Число ихъ вѣще межь числъ Судьбы.
И ихъ значенья на крикъ мольбы:—
Навѣкъ. Безгласность. Враждебность. Поздно.

ВЪ ПУТЬ.

День мѣняется на вечеръ, коротается,
Солнце красное на Западъ содвигается.
Лѣсъ зеленый на предѣлахъ сталъ свѣтлѣй,
Лѣсъ зеленый въ чащѣ принялъ тьму тѣней.

Въ путь-дорогу, въ путь-дорогу, въ даль скитанія,
Воздохнувъ, пошли, идутъ мои мечтанія.
Бѣлый ликъ, тесовый гробъ, туманъ, тоска.
Въ путь-дорогу. Въ путь. Дорога далека.

КЪ НОРНАМЪ.

Парки, Норны, Суденицы,
Назначающія часъ,
Необманныя Дѣвицы,
Кто вамъ, страшнымъ, предалъ насъ?
Парки, Норны, Суденицы,
Скоро ль мой настанетъ часъ?

Ткань готова. Бредилъ Случай.
Я встрѣчался съ Красотой.
Больше, Мигъ, меня не мучай,
Не смѣняй черту чертой.
Да укроюсь черной тучей,
Да упьюсь моей бѣдой.

Это—Было, Есть, и Будетъ—
Раздробило цѣльность сна.
Норны, Сѣверъ да остудитъ
Сердце, гдѣ жила Весна.
Пусть меня весь міръ забудетъ.
Мной забытъ онъ. Тишина.

ТѢСНЫЙ ГРОТЪ.

Тесовый гробъ, суровый гротъ смертельныхъ окончаній,
Въ пространствѣ узкихъ тѣсныхъ стѣнъ восторгъ былыхъ лобзаній.

Тяжелый духъ, цвѣты, цвѣты, и отцвѣтанье тѣла,
Застылость чувственныхъ красотъ, въ которыхъ жизнь пропѣла.

езгласность губъ, замкнутость глазъ, недвижность ногъ уставшихъ,
о знавшихъ пляску, быстрый бѣгъ, касанье ласки знавшихъ.

есовый гробъ, твой цѣнный кладъ еще прекрасенъ нынѣ,
е сразу гаснетъ смѣлый духъ померкнувшихъ въ пустынѣ.

о, тѣсный гротъ, твой мертвый кладъ въ ужасность превратится.
у, шорохъ. Вотъ. Безглазый взглядъ. Чу, кто-то шевелится.

ПУТЬ ТУДА.

Путь туда—безповоротный,
Въ безъизвѣстную страну,
Можетъ, къ низости болотной,
Можетъ, въ вѣчную Весну,
Можетъ, къ радости вольготной,
Можетъ, въ омуть, внизъ, ко дну.

Лютый звѣрь туда прорыщетъ,
И навѣкъ прощайся съ нимъ,
Пудь туда едва кто ищетъ,
У живыхъ онъ нелюбимъ,
Только Вѣтеръ, онъ просвищетъ,
Но воротится другимъ.

Ничего онъ не разскажетъ,
Только дивно воздохнетъ,
Тѣнь отъ травъ иною ляжетъ,
Ниже глянетъ Неба сводъ,
Сердце словно кто-то свяжетъ,
Тьма въ немъ, тьма въ немъ запоетъ.

СИНІЙ КАМЕНЬ.

Если хочешь молча плакать съ неразлучною тоской,
Приходи смотрѣть на травы, на осоку надъ рѣкой.
Травы бѣлый цвѣтъ роняютъ на текучую волну.
Шелеститъ, шуршитъ осока. Боль въ душѣ идетъ ко дну.

Приходи сюда къ теченью, въ преломленіи зари.
Неподвижный Синій камень, какъ любимый, изберн.
Въ тихомъ шелестѣ осоки, въ бѣломъ цвѣтѣ лепестковъ,
Ты уснешь на Синемъ камнѣ, межь зеленыхъ береговъ.

Не увидятъ, не узнаютъ, не притронутся къ слезамъ.
Не увидишь самъ, что видно душу синимъ Небесамъ.
Только дрогнешь, какъ приснится, что навѣкъ — рѣка съ тобой,
Неподвижный Синій камень, Небо, сумракъ голубой.

ВСЕБЕЗПРІЮТНОСТЬ.

Не вся ли Земля для меня—отчизна моя роковая?
Не вся ли Земля—для меня?
Я повсюду увижу—изъ сѣрыхъ тумановъ рожденіе краснаго дня,
И повсюду мнѣ Ночь будетъ тайны шептать, непостижности звѣздъ
зажигая.

И вездѣ я склонюсь надъ глубокой водой,
И, тоскуя душой, навсегда—молодой,
Буду спрашивать, гдѣ же мечты молодыя
Будутъ счастливы, видя цвѣты золотые,
Безъ которыхъ всечасно томится душа.
О, Земля одинакова всюду, въ жестокомъ нѣжна, въ черноть
хороша.

Я повсюду найду глубину отраженій зеркальныхъ
Чьихъ-то глазъ вопрошающихъ, сказокъ печальныхъ,
Въ нихъ сіяньи нѣмомъ темноты и огня.
Не вся ли Земля—намъ отчизна, навѣкъ роковая?
И Небо, все Небо—для нихъ, для меня,
Повсюду насъ Ночь обойметъ, намъ звѣзды, какъ слезы, роняя.

БЛИЗЬ СИНЯГО КАМНЯ.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
Песокъ золотой, измельченный Водой.

Вода—голубая, прозрачная днемъ,
И черная, злая во мракѣ ночномъ.

Близь Синяго камня песокъ золотой,
И падаетъ съ Неба звѣзда за звѣздой.

Вода умножаетъ и точитъ песокъ,
А Камень все тотъ же, и путь все далекъ.

Пути всѣ далёки для тѣхъ, кто идетъ
Пескомъ измельченнымъ, надъ сказкою водъ.

И вѣчно все тотъ же песокъ золотой,
Близь Синяго камня, надъ вѣчной Водой.

ВОПЛЬ.

Я вѣрю въ возможную силу и правду—его, всепобѣднаго Свѣта.
Но есть несчастливцы, что гибнутъ зимою, задолго до роскоши лѣта.

Я знаю, что много озеръ серебристыхъ, въ горахъ и въ лѣсахъ первозданныхъ.
Но сколькіе умерли въ жаркой пустынѣ, безъ влаги, безъ капель желанныхъ.

Я видѣлъ, какъ кондоръ царитъ надъ пространствомъ, какъ мощь
альбатроса прекрасна.
Но сколько убитыхъ для нихъ, именитыхъ, подумать— подумать
ужасно.

Я вижу, я слышу, я помню, я знаю, что было, что есть здѣсь,
что будетъ.
Но, въ бездну изъ бездны срываясь, въ столѣтьяхъ, мой вопль
никого не пробудитъ.

ОТСВѢТЫ.

Мы—нѣсколько маленькихъ раковинъ близь кипѣнья безсмерт-
ныхъ морей.
Мы—нѣсколько пѣнныхъ узорностей, летимъ все скорѣй и скорѣй.

Мы—бѣлыя тучки, чуть видныя, бахрома разорвавшихся грозъ.
Мы таемъ, блистаемъ, и падаемъ слезами на мертвый утесъ.

Мы—стебли былинокъ, что выросли на разбитой стѣнѣ крѣпостной.
Весною своею цѣпляемся за осень мечты неземной.

Мы думаемъ, будто мы думаемъ, нами думаютъ вихри міровъ.
Мы—отзвуки тысячныхъ отзвуковъ отъ звука нездѣшнихъ громовъ.

Мы думаемъ, будто мы вѣдаемъ Воскресенья зиждительный свѣтъ.
Мы, бѣдные блѣдные отсвѣты оттуда, гдѣ мѣста намъ нѣтъ.

АМУЛЕТЫ ИЗЪ АГАТА

Gdzież jesteś, synu zemsty?

Krasiński.

Śpiewaj i przeklinaj!

Mickiewicz.

Гдѣ же ты, сынъ мщенья?

Красинскій.

Пой и проклинай!

Мицкевичъ.

ЧЕРНЫЕ ВОРОНЫ.

Черные вороны, воры играли надъ нами.
Каркали. День погасалъ.
Темными снами
Призракъ наполнилъ мнѣ блѣдный бокалъ.
И, обратившись лицомъ къ погасающимъ зорямъ,
Пилъ я, закрывши глаза,
Видя сквозь блѣдныя вѣки дороги съ идущимъ и ѣдущимъ сгорбленнымъ Горемъ.
Вороны вдругъ прошумѣли какъ туча, и вмигъ разразилась гроза.
Словно внезапно раскрылись обрывы.
Выстрѣлы, крики, и вопли, и взрывы.
Гдѣ вы, друзья?
Странный бокалъ отъ себя оторвать не могу я, и сказка моя
Держитъ меня, поблѣднѣвшаго, здѣсь, заалѣвшими снами-цѣпями.
Мысли болятъ. Я, какъ призракъ, застылъ.
Двинуться, крикнуть—нѣтъ воли, нѣтъ силъ.
Каркаютъ вороны, каркаютъ черные, каркаютъ злые надъ нами.

АМУЛЕТЫ ИЗЪ АГАТА.

Амулеты изъ агата,
И другихъ цвѣтныхъ камней,
Ты дала мнѣ въ часъ заката,
Въ часъ заката красныхъ дней.

Я съ самимъ собой прощался,
О, Колдунья, и съ тобой,
Обѣщалъ я, обѣщался
Быть въ пещерѣ голубой.

Да, къ полдневной позолотѣ
Позабывши путь и слѣдъ,
Подбирать въ лазурномъ гротѣ
Къ амулету амулетъ.

Я свершилъ обѣтъ заклятья,
Я забылъ, сдержавъ свой нравъ,
Розы губъ, восторгъ объятья,
Изумруды нѣжныхъ травъ.

Камни, камни заклинаній
Ты дала мнѣ—вотъ они.
Въ ихъ узорахъ—міръ стенаній,
Чуть одинъ пошевельни.

Въ нихъ напѣвность такъ богата,
Въ ихъ мерцаньяхъ—смерть врагу.
Но враждою сердце смято,
Больше быть здѣсь не могу.

Стоны грома въ мигъ раската,
Вотъ они—бери, скорѣй.
О, заклята жизнь агата,
Сколько воли въ снахъ камней!

КРИКЪ.

Мой крикъ былъ бы свѣтлымъ и юнымъ,—
Не встрѣтивъ отвѣта, онъ сдѣлался злымъ.
И предалъ я духъ свой перунамъ,
Я ударилъ по звонкимъ рыдающимъ струнамъ,
И развѣялась радость, какъ дымъ.

Я былъ бы красивымъ,
Но я встрѣтилъ лишь маски тьмы темъ оскорбительныхъ лицъ.
И умъ мой, какъ вѣтеръ бѣгущій по нивамъ,
Сталъ мнущимъ и рвущимъ, сталъ гнѣвнымъ, ворчливымъ,
Забылъ щебетанія птицъ.

Надъ Моремъ я плачу,
Надъ холодной и вольной пустыней морей.
О, люди, вы—трупы, вы—звѣри, въ придачу,
Я дни межь солеными брызгами трачу,
Но жить я не буду въ удушьи людей.

ПОЛНОЧНЫЙ ЧАСЪ.

Полночный часъ. Вѣдовски-страшный часъ.
День схороненъ. И вновь родится сложность.
Разъять восторгъ и пытку—невозможность.
Изъ вышнихъ безднъ глядитъ бездонность глазъ.

Какъ жутко мнѣ. Вотъ глуше все и тише.
И вѣянье я слышу въ тишинѣ.
Такъ бархатно. Какъ будто льнетъ ко мнѣ
Беззвучное крыло летучей мыши.

КРУГИ.

Круговидныя свѣтила—
Безъ конца и безъ начала.
Что въ нихъ будетъ, то въ нихъ было,
Что въ нихъ нѣжность, станетъ жало.

Что въ нихъ ласка, есть отрава,
А изъ мрака, а изъ яда
Возникаетъ чудо-слава,
Блескъ заманчивый для взгляда.

Изъ вулкановъ, изъ обрывовъ,
Рудниковъ и разрушенья—
Роскошь яркихъ переливовъ,
Драгоцѣнные каменья.

Изъ кошмарности рожденій,
Съ свитой грязи, крови, криковъ—
Свѣтлый геній пѣснопѣній,
Сонмы стройныхъ женскихъ ликовъ.

А изъ жизни вновь могила,
И горятъ, лазурно, ало,
Круговидныя свѣтила,
Безъ конца и безъ начала.

ИНДІЙСКІЙ ТОТЕМЪ.

Индійскій тотемъ—жуткій знакъ,
Рѣзная сложная колонна.
Изъ звѣря—звѣрь. Кто другъ, кто врагъ,
Не разберешь. Здѣсь все—уклонно.

Другъ друга держатъ всѣ во рту,
Убійца—каждый, и убитый.
Грызя, рождаютъ красоту,
Глядятъ бѣсовски-волчьей свитой.

Уста, и пасти, и глаза,
Звѣринокрылость, чудо-рыба.
Въ цвѣтныхъ зрачкахъ горитъ гроза,
Жизнь въ жизни—въ змѣйностяхъ изгиба.

И древо жизни міровой
Ростетъ въ чудовищной прикрасѣ,
Являясь мной, чтобъ стать тобой,
Пьяня и множа ипостаси.

СВЯТОЙ ГЕОРГІЙ.

Святой Георгій, убивъ Дракона,
Взглянулъ печально вокругъ себя.
Не могъ онъ слышать глухого стона,
Не могъ быть свѣтлымъ—лишь свѣтъ любя.

Онъ съ легкимъ сердцемъ, во имя Бога,
Копье намѣтилъ и поднялъ щитъ.
Но мыслей встало такъ много, много,
И онъ, сразивши, сраженъ, молчитъ.

И конь святого своимъ копытомъ
Ударилъ гнѣвно о край пути.
Сюда онъ прибылъ путемъ избитымъ.
Куда отсюда? Куда идти?

Святой Георгій, святой Георгій,
И ты извѣдалъ свой высшій часъ!
Предъ сильнымъ Змѣемъ ты былъ въ восторгѣ,
Предъ мертвымъ Зміемъ ты вдругъ погасъ!

ВСТРѢЧА.

Сонъ жуткій пережилъ вчера я наяву.
По улицѣ я шелъ—одинъ, не я всегдашній,
Лишь тѣло, трупъ меня, что тѣломъ я зову.
Тюрьма передо мной своей грозилась башней.

И вотъ навстрѣчу мнѣ идетъ моя душа,
Такая же, какъ я, до грани совпаденья.
Такъ прямо на меня, упорно, не спѣша,
Съ рѣшеніемъ нѣмымъ жестокаго видѣнья.

Мой трупъ упрямо шелъ. Былъ труденъ каждый шагъ.
Но встрѣча этихъ двухъ сближалась неуклонно.
Какъ будто въ зеркалѣ, вотъ—я, но я—мой врагъ.
Идемъ. Тюрьма молчитъ. Враждебна высь, бездонна.

Все ближе, ближе мы. Блѣднѣю я и онъ.
И вдругъ насъ больше нѣтъ. Мигъ ужаса. Мигъ встрѣчи.
Умъ вброшенъ въ темноту. На башнѣ тихій звонъ.
Кому-то цѣлый міръ, упавъ, налегъ на плечи!

ПРИЗРАЧНЫЙ НАБАТЪ.

Я духъ, я призрачный набатъ,
Что внятенъ только привидѣньямъ.
Дома, я чувствую, горятъ,
Но люди скованы забвеньемъ.

Крадется дымный къ нимъ огонь,
И вопленъ полонъ я безгласнымъ,—
Гуди же, колоколъ, трезвонь,
Будь крикомъ въ сумракѣ неяснымъ.

Ползетъ густой, змѣится дымъ,
Какъ тяжкій звѣрь—ночная чара.
О, какъ мнѣ страшно быть нѣмымъ
Подъ мѣднымъ заревомъ пожара!

ТЕТЕНЬКА ИЗЪ СЕЛА.

—Тетенька, тетенька, миленькая,
Что ты такая уныленькая?
Или не рада, что къ намъ изъ села
Въ городъ пошла ты, и въ городъ пришла?

—Экъ ты, дѣвчонка, горазда болтать.
Чуть подросла, отъ земли не видать,
Только и знаешь—шуршишь, словно мышь.
Что же ты тетку свою тормошишь?

—Тетенька, можетъ, мой разумъ и малъ,
Только вотъ вижу—нашъ смѣхъ замолчалъ.
Тетенька, право, мнѣ страшно съ тобой,
Точно здѣсь кто-то еще есть другой.

—Дѣвонька, эти ты глупости брось,
Къ ночи нельзя такъ болтать на авось.
Лучше давай про село разскажу,
Послѣ помолимся, спать уложу.

Въ городѣ, дѣвонька, все бы вамъ смѣхъ,
Въ городѣ много забавъ и утѣхъ.
Наши избенки-то, наше село
Лѣсомъ, потемками все облегло.

Въ лѣсъ за дровами—а тамъ лѣсовикъ,
Вонъ за стволомъ притаился, приникъ.
Чуръ меня, крикнешь—онъ вытянетъ носъ,
Такъ захохочетъ—по кожѣ морозъ.

Ночью, какъ это такъ выйдешь на дворъ,
Звѣри какіе-то смотрятъ изъ норъ,
Совы на крышѣ усядутся въ рядъ,
Углемъ глаза, какъ у вѣдьмы, горятъ.

Въ избу назадъ—а въ клѣти домовой,
Ты на полати—а онъ ужь съ тобой,
Вотъ навалился—и стонешь во снѣ,
Душно такъ, тяжко такъ, страшно такъ мнѣ.

Нежити ходятъ, бормочутъ во тьму,
Шепчутъ, скривясь,—ничего не пойму.
Словно они балалаечники,
Баешники, перебаешники.

Тетка умолкла. Дѣвчонка спала.
Тетки дослушать она не могла.
Обѣ застыли, и въ комнатѣ той
Явно, что кто-то еще былъ другой.

ПОДМѢНЫШЪ.

Я мать, и я люблю дѣтей.
Едва зажжется Мѣсяцъ, серповидно,
Я плачу у окна.
Мнѣ больно, страшно, мнѣ мучительно-обидно.
За что такая доля мнѣ дана?
Зловѣщій прудъ, погостъ, кресты,
Мнѣ это все отсюда видно,
И я одна.
Лишь Мѣсяцъ свѣтитъ съ высоты.
Онъ жнетъ своимъ серпомъ? Что жнетъ? Я брежу. Полно. Стыдно.
Будь твердой. Плачь, но твердой нужно быть.
Отъ Неба до Земли, сіяя,
Идетъ и тянется нервущаяся нить.
Ты мать, умѣй, забывъ себя, любить.

Да, да, я мать, и я дурная,
Что не умѣла сохранить
Своихъ дѣтей.
Ихъ всѣхъ сманила въ прудъ Колдунья злая,
Которой нравится сводить съ ума людей.
Тихонько ночью приходила,
Когда такъ крѣпко я спала,
Мой сонъ крѣпя, дѣтей будила.
Какая въ ней скрывалась сила,
Не знаю я. Весь міръ былъ мгла.
Своей свѣчой она свѣтила,
И въ прудъ ея свѣча вела.
Чѣмъ, чѣмъ злодѣйка ворожила,
Не знаю я.
О, съ тѣми, кто подъ сердцемъ былъ, разстаться,
О, жизнь безсчастная моя!

Лишь въ мысляхъ иногда мы можемъ увидаться,
Во снѣ.

Но это все—не все. Она страшнѣй, чѣмъ это.
И казнь безжалостнѣй явила Вѣдьма мнѣ.
Вонъ тамъ, въ сіяньи мѣсячнаго свѣта,
Въ той люлькѣ, гдѣ качала я дѣтей,
Когда малютками они моими были,
И каждый былъ игрушкою моей,
Предъ тѣмъ, какъ спрятался въ могилѣ
И возростилъ плакунъ-траву,
Лежитъ подмѣнышъ злой, уродливый, нескладный,
Котораго я нежитью зову,
Свирѣпый, колченогій, жадный,
Глазастый, съ страшною распухшей головой,
Ненасытимо-плотоядный,
Подмѣнышъ злой.
Чуть взглянетъ онъ въ окно—и листъ березы вянетъ.
Шуршитъ недобрый вихрь желтѣющей травой,—

Вдругъ схватитъ дудку онъ, играть безумно станетъ,
И молнія въ овины грянетъ,
И пляшетъ все кругомъ, какъ въ пляскѣ хоровой,
Несутся камни и полѣнья,
Подмѣнышъ въ дудку имъ дудитъ,
А люди падаютъ, въ ихъ сердцѣ онѣмѣнье,
Молчатъ, блѣднѣютъ—страшный видъ.
А онъ глядитъ, глядитъ стеклянными глазами,
И ничего не говоритъ.
Я не пойму, старикъ ли онъ,
Ребенокъ ли. Онъ тѣшится надъ нами.
Молчитъ и ѣстъ. Вдругъ тихій стонъ.
И жутко такъ раздастся голосъ хилый:—
„Я старъ, какъ древній лѣсъ!“
Повѣетъ въ воздухѣ могилой.
И точно встанетъ кто. Мелькнулъ, прошелъ, исчезъ.

Однажды я на страшное рѣшилась:—
Убить его. Жить стало невтерпежъ.
За что такая мнѣ немилость?
Убрать изъ жизни эту гнилость.
И вотъ я наточила ножъ.
А! какъ сегодня ночь была, такая,
На небѣ Мѣсяцъ всталъ серпомъ.
Онъ спалъ. Я подошла. Онъ спалъ. Но Вѣдьма злая
Слѣдила въ тайности, стояла за угломъ.
Я не видала. Я надъ нимъ стояла:
Я только видѣла его.
Въ моей душѣ горѣло жало.
Я только видѣла его.
И жажду тѣшила нѣмую:—
Вотъ эту голову, распухшую и злую,
Отрѣзать, отрубить, чтобы исчезъ паукъ,
Притихъ во мракѣ гробовомъ.
„Исчезнешь ты!“ И я ударила ножомъ.
И вдругъ—

Не тѣло предо мной, мякина,
Солома, и въ соломѣ кровь,
Да, въ каждомъ стеблѣ кровь и тина.
И вотъ я на пруду. Трясина.
И въ домѣ я опять. И вновь
Бѣлѣетъ Мѣсяцъ серповидно.
И я у моего окна.
Въ углу подмѣныша мнѣ видно.
Тамъ за окномъ погостъ. Погостъ. И я одна.

НѢТЪ СЛЕЗЪ.

Нѣтъ слезъ. Я больше плакать не умѣю,
Съ тѣхъ поръ какъ посвященъ я въ колдуны.
О, Вѣщая Жена! Я вѣдалъ съ нею
Вѣдовское. На зовъ ея струны
Скликались звѣри. Говоръ человѣчій
Былъ межь волковъ лѣсныхъ. А межь людей
Такіе, въ хрипахъ, слышались мнѣ рѣчи,
Что нѣтъ ужь больше слезъ въ душѣ моей.
Кто тамъ подъ пыткой? Кто кричитъ такъ звонко?
Молчу. Себя заклялъ я колдовски.
Мучь всѣхъ! Меня! Мучь моего ребенка!
Мольбы не будетъ. Кровь забьетъ въ виски.
Забьется въ головѣ какъ тяжкій молотъ.
Но слезъ монхъ тебѣ, палачъ, не знать.
Пусть будетъ самый сводъ Небесъ расколотъ.
Ты проклятъ. Тверды мы. И эту рать
Не побѣдить палачествомъ убогимъ.
Мы все ростемъ. Стальнѣетъ пытка въ насъ.
Минуты время движутъ кругомъ строгимъ.
Ты проклятъ! Проклятъ! Жди! Еще лишь часъ!

ОТЗВУКЪ НАРОДНАГО.

Ужь ты, Солнце, Солнце красно,
Ты съ полуночи взойди,
Чтобъ очамъ не ждать напрасно,
Кто тамъ, что тамъ впереди.
Чтобъ покойникамъ въ могилѣ
Не во тьмѣ глухой сидѣть.
Чтобы съ глазъ они сложили
Закрывающую мѣдь.

Ужь ты, Мѣсяцъ, Мѣсяцъ ясный,
Глянь, и съ вечера взойди,
Чтобъ забыть о мукѣ страстной,
Что осталась позади.
Чтобы мертвымъ, властью слова,
Властью свѣта твоего,
Не крушить, изъ-за былого,
Ретивого своего.

Ужь ты, Вѣтеръ, Вѣтеръ буйный,
Ты съ полуночи возвѣй,
Многовѣйный, многоструйный,
Будь отрадою моей.
Возвѣсти моимъ родимымъ,
Что и въ насъ безстрашный свѣтъ.
Все мы бросимъ, пустимъ дымомъ,
Но пойдемъ за ними вслѣдъ.

ЗОРЯ-ЗОРЯНИЦА.

ЗАГОВОРЪ.

Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Красная Дѣвица, полуночница.
Красныя губы,

Бѣлые зубы,
Свѣтлыя кудри, свѣтлоочница.
Всѣ ли вы, Зори,
Въ красномъ уборѣ,
Съ кровавыми лентами, рдяными?
Вѣчно ли крови,
Встари и внови,
Розами быть надъ туманами?
Зоря-Зоряница,
Красная Дѣвица,
Будь ты мою защитою,
Отъ вражіей силы,
Довременной могилы,
И отъ жизни, тоскою повитою.
По какому наитью,
Рудожелтою нитью,
Ты, иглой золотою, проворною
Вышиваешь со славой,
Пеленою кровавой,
Свой узоръ надъ трясиною черною?
Чудо-дѣвица,
Зоря-Зоряница,
Зоря-Зоряница прекрасная!
Хочется ласки,
Мягкости въ краскѣ,
Будетъ ужь, искрилась красная.
Нить, оборвись,
Кровь, запекись,
Будетъ намъ, ужь будетъ этой алости.
Или ты, Зоря,
Каждый день горя,
Такъ и не узнаешь нѣжной жалости?

ЗАКЛИНАНІЕ.

Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, зачѣмъ ты мнѣ данъ?
Ты неясно мнѣ свѣтишь въ ночахъ.
Ты застывшій потухшій вулканъ.
Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, зачѣмъ сквозь туманъ
Ты застылый внушаешь мнѣ страхъ?

Вѣтеръ, Вѣтеръ, зачѣмъ средь вѣтвей,
Очерненныхъ осенней порой,
Ты шуршишь все страннѣй и страннѣй?
Вѣтеръ, что жь въ этой пѣснѣ твоей,
Или только играешь ты мной?

Мѣсяцъ, Вѣтеръ, я вѣрнымъ вамъ былъ,
Дайте силъ мнѣ мой міръ возродить.
Если жь нѣтъ возрождающихъ силъ,
Мѣсяцъ, Мѣсяцъ, свѣтило могилъ,
Дай послѣднюю власть:—Отомстить.

АМУЛЕТЪ.

Ты дала мнѣ амулетъ,
Для веселій и побѣдъ,
Странно въ немъ сіютъ свѣты.
Ты дала мнѣ амулетъ
Въ той странѣ, гдѣ всѣ предметы—
Волхованье, амулеты.

Грозенъ звукъ гортанныхъ словъ.
Нѣтъ цвѣтовъ тамъ безъ шиповъ,
Безъ уколовъ или яда.
Хищный клекотъ вѣщихъ словъ
Манитъ слухъ, но въ немъ засада,
Какъ засада въ зыби взгляда.

Въ этомъ краѣ Красоты,
Гдѣ отчетливы черты
Горъ, скрывающихъ обманы,
Въ этомъ царствѣ Красоты
Всюду вражескіе станы,
А съ высотъ глядятъ вулканы.

Дротикъ мѣтко достаетъ,
Чуть коснется конченъ счетъ,
Тамъ отравленныя стрѣлы.
Лукъ поетъ и достаетъ,
Чуть задѣтъ ты, онѣмѣлый
Ты ужь мертвый, ты ужь бѣлый,

Въ этомъ краѣ вѣчныхъ чаръ,
Чтобы мѣтокъ былъ ударъ,
Ты меня околдовала,
И, вложивъ змѣиность чаръ
Въ кругъ узорный изъ опала,
Ты меня мечтой связала.

Сильный этою мечтой,
Очерненный чернотой,
Недругъ духамъ отупѣлымъ,
Амулетъ съ твоей мечтой
Обращу я къ ихъ предѣламъ,
Будетъ, будетъ врагъ мой бѣлымъ.

ДРАКОНИТЪ.

Темный камень драконитъ
Ужь не такъ хорошъ на видъ.
Изумрудъ его нѣжнѣй,
Въ брилліантѣ свѣтъ сильнѣй.

И нѣжнѣй его опалъ,
И рубинъ предъ нимъ такъ алъ.
И однако драконитъ
Тѣмъ хорошъ, что вѣрно мститъ.
Чтобъ достать его, дождись,
Какъ ущербный Мѣсяцъ внизъ,
Надъ пещерой колдовской,
Желтой выгнется дугой.
Тамъ Драконъ въ пещерѣ спитъ,
Въ мозгѣ звѣря—драконитъ.
Гибокъ Змѣй, но мозгъ его
Неуклоннѣе всего.
Мозгъ Дракона—весь въ узлахъ,
Желтый въ нихъ и бѣлый страхъ.
Красный камень и металлъ
Въ нихъ не разъ захохоталъ.
Темный въ этомъ мозгѣ сонъ,
Черной цѣпью скованъ онъ.
Желтый Мѣсяцъ внизъ глядитъ.
Вотъ онъ камень драконитъ.
Тише, тише подходи,
Въ снѣ Дракона не щади.
Замеръ въ грезѣ онъ своей.
Мѣтко цѣлься, прямо бей.
Поразивъ его межъ глазъ,
Мозгъ исторгни, и сейчасъ
Предъ тобою заблеститъ
Страшный камень драконитъ.
Съ этимъ камнемъ—на врага.
Рѣки бросятъ берега,
И хоть будь твой врагъ великъ,
Онъ въ водѣ потонетъ вмигъ.
Этотъ камень-амулетъ
Много дастъ тебѣ побѣдъ.
Вѣщій камень драконитъ,
Зеленѣя, мѣтко мститъ.

Этимъ камнемъ подъ Луной
Поиграй во тьмѣ ночной.
Дальній врагъ твой ощутитъ,
Мститъ ли камень драконитъ.

ПРИТЧА О ВЕЛИКАНѢ.

Былъ въ мірѣ древній Великанъ,
Безъ сердца исполинъ.
Онъ былъ какъ между горъ туманъ,
Онъ былъ чумой для многихъ странъ,
Угрюмъ, свирѣпъ, одинъ.

Онъ сердце вынулъ у себя,
И спряталъ далеко.
Не дрогнетъ громъ, скалу дробя,
Хоть громокъ онъ; и лишь себя
Люби,—убить легко.

Безъ сердца жадный Великанъ
Давилъ людей кругомъ.
Едва расправитъ тяжкій станъ,
Какъ въ ротъ свой, точно въ страшный чанъ
Кровавый броситъ комъ.

А сердце гдѣ же? Топь болотъ—
Чудовищный пустырь.
Который годъ тамъ дубъ ростетъ,
Съ дупломъ, и дубъ тотъ стережетъ
Слѣпой и злой Упырь.

Внутри дупла, какъ черный гадъ,
Уродливый комокъ.
Онъ шевелится, говорятъ,
Мохнатъ, онъ судорожно радъ
Въ часъ казни, въ страшный срокъ.

Едва свирѣпый Великанъ
За горло хватъ кого,—
Паукъ заклятый топкихъ странъ,
Комокъ въ дуплѣ какъ будто пьянъ,
Дубъ чувствуетъ его.

Въ дуплѣ шуршаніе и смѣхъ.
Что жизнь людей? Пузырь.
Въ дуплѣ самъ Дьяволъ, черный грѣхъ,
И въ соучастіи утѣхъ,
Скрипитъ слѣпой Упырь.

Но крылья вѣдаютъ полетъ,
Стремленье знаетъ путь.
И кто воздушенъ, тотъ пройдетъ
Всѣ срывы ямъ, всю топь болотъ,
Чтобъ цѣли досягнуть.

Комокъ кровавый, злой обманъ,
Ты взятъ моей рукой!
Послѣдній мигъ свирѣпымъ данъ,
И былъ, лишь былъ онъ, Великанъ,
Объятъ онъ смертной мглой!

ТРИНАДЦАТЬ СЕСТЕРЪ.

Сестры, сестры, Лихорадки,
Поземельный взбитый хоръ!
Мы въ Аду играли въ прятки.
Будетъ! Кверху! Безъ оглядки!
Порадѣетъ хоръ сестеръ.

Мы остудимъ, распростудимъ,
Разогрѣемъ, разомнемъ.
Мы проворны, ждать не будемъ.

Сестры! Сестры! Кверху! Къ людямъ!
Вотъ, мы съ ними. Ну, начнемъ.

Цѣпко, крѣпко, Лихорадки,
Снова къ играмъ, снова въ прятки.
Человѣкъ—забава намъ.
Сестры! Сестры! По мѣстамъ!
Всѣ тринадцать—съ краснобаемъ.
Гдѣ онъ? Живъ онъ? Начинаемъ.

Ты, Трясея, дай ему
Потрястись, попавъ въ тюрьму.

Ты, Огнея, боль продли,
Прахъ земли огнемъ пали.

Ты, Ледея, такъ въ ознобъ
Загони, чтобъ звалъ онъ гробъ.

Ты, Гнетея, дунь на грудь,
Камнемъ будь, не дай дохнуть.

Ты, Грудея, на груди
Лишку, вдвое погоди.

Ты, Глухея, плюнь въ него,
Чтобъ не слышалъ ничего.

Ты, Ломея, кости гни,
Чтобы хрустнули они.

Ты, Пухнея, знай свой срокъ,
Чтобъ распухъ онъ, чтобъ отекъ.

Ты, Желтея, въ свой чередъ,
Пусть онъ, пусть онъ расцвѣтетъ.

Ты, Корчея, вслѣдъ иди,
Ручки, ноженьки сведи.

Ты, Глядея, встань какъ бѣсъ,
Чтобы сонъ изъ глазъ исчезъ.

Ты, Сухея, онъ ужь плохъ,
Сдѣлай такъ, чтобъ весь изсохъ.

Ты, Невея, всѣмъ сестра,
Пропляши ему „Пора“.

Въ Человѣкѣ нѣтъ догадки.
Цѣпки, крѣпки Лихорадки.
Всѣхъ Сестеръ тринадцать насъ.
Сестры! Книзу! Конченъ часъ!

СИНІЯ МОЛНІИ

Какъ въ глубинностяхъ Моря, въ глубинахъ Народной души — скрываются чудо-хоромы—тамъ таятся, среди жемчуговъ, огнеглазые громы.—Мигъ синихъ расцвѣтовъ, спѣши!

Голосъ Прилива.

ВЪ БЕЗМѢРНОМЪ ВСЕ.

Въ безмѣрномъ Все я только быстрый атомъ.
Но нѣтъ меня,—вселенной въ Мірѣ нѣтъ.
Вселенныхъ—тьма. И свѣжимъ ароматомъ
Цвѣтутъ цвѣты бездонность пышныхъ лѣтъ.

Въ безмѣрномъ Все я малая былинка.
Но нѣтъ меня,—нѣтъ въ Мірѣ красоты.
Безумецъ! Знай, что въ должный мигъ снѣжинка
Лавину сброситъ съ высоты!

ЭЛЕКТРОНЪ.

Электронъ, камень Алатырь,
Горючъ-могучъ-янтарь!
Гори! На насъ возсталъ Упырь,
Отвратныхъ гадовъ царь!

Завѣтный камень-Свѣтозаръ,
Рожденье волнъ морскихъ!
Какъ въ Морѣ—глубь, въ тебѣ—пожаръ.
Войди въ горючій стихъ!

О, слитокъ горечи морской,
И свѣтлыхъ слезъ Зари!
Электронъ, камень дорогой,
Горя, враждой гори!

Волна бѣжитъ, волну дробя,
Волна сильнѣй, чѣмъ мечъ!
Электронъ, я заклялъ тебя.
Ты, вспыхнувъ, сможешь сжечь!

КАМЕНЬ-АЛАТЫРЬ.

На морѣ-Океанѣ,
На островѣ Буянѣ,
Межъ камней-богатырь
Есть Камень-Алатырь.

Онъ бѣлъ-горючъ и ярокъ,
Неостудимо жарокъ.
Красивъ его изгибъ,
Кипитъ тотъ Камень-кипъ.

Горитъ тотъ Камень-чудо,
Что лучше изумруда.
Онъ каждый мигъ—живой,
Тотъ Камень солнцевой.

Подъ Камнемъ тѣмъ сокрыта
Мечта, что не изжита.
Спѣши къ нему скорѣй,
Коснись до тайнъ морей.

Все шире Море, шире.
На Камнѣ-Алатырѣ
Сидитъ, въ лучахъ горя,
Громовница-Заря.

Сидитъ Дѣвица Красна,
Смѣется безучастно.
Смѣшинки Дѣвы той—
Разсвѣты надъ водой.

А разъ придетъ охота,
Совсѣмъ тотъ смѣхъ безъ счета,—
Смѣяться такъ начнетъ,
Что молнія сверкнетъ.

Все звонче смѣхъ пѣвучій,
Пожаромъ рдѣютъ тучи.
Огниста Красота,
Свѣтла ея фата.

На морѣ-Океанѣ,
На островѣ Буянѣ,
Я Дѣву ту любилъ,
У ней въ гостяхъ я былъ.

Я былъ на этомъ Камнѣ,
И заговоръ дала мнѣ
Она, въ Огнѣ живомъ,
На Камнѣ солнцевомъ.

О, заговоръ тотъ властный!
Онъ данъ мнѣ Дѣвой страстной.
Все покорю я съ ней.
Гори, Огонь, сильнѣй!

Лишь Камень кто изгложетъ,
Тотъ заговоръ мой сможетъ
Лишить его лучей.
Гори, Огонь, скорѣй!

Но Камень кто жь изгложетъ,
Кто пламень превозможетъ?
Привѣтъ сіянью дней.
Гори, Огонь, сильнѣй!

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ПЕРУНУ.

Ужь льды въ рѣкахъ прошли,
Звеня въ скопленьи тѣсномъ,
Ужь молніи цвѣли
На Деревѣ небесномъ.

А дерево росло,
Во славу Человѣка,
Съ вѣтвей своихъ, свѣтло,
Роняя медъ и млеко.

Роняя чудо-сны,
Основу пѣснопѣнья,
Съ воздушной вышины
Лучистые каменья.

Исполни же теперь,
Перунъ, слова обѣта,
Раскрой въ темницахъ дверь,
И выпусти мнѣ лѣто.

Скорѣй, скорѣй, Перунъ,
Что должно, то исполни,
И дай мнѣ звоны струнъ,
И дай цвѣты изъ молній!

КЪ ПЕРУНУ.

Богъ вѣтровъ и бурныхъ грозъ,
Богъ Славянъ, Перунъ,
Ты мнѣ далъ волну волосъ,
Золотистыхъ струнъ.

Струнъ курчавыхъ, не прямыхъ,
Свѣтлыхъ завитковъ,
Золотистый далъ мнѣ стихъ,
Много далъ стиховъ.

Богъ пожаровъ между тучъ,
Грезы огневой,
Ты велѣлъ мнѣ: Будь пѣвучъ,
Въ жизни—будь живой.

Влилъ ты молніи въ мой стихъ,
И сказалъ мнѣ:—Жги.
Богъ пожаровъ грозовыхъ,
Предо мной—враги.

Богъ зиждительныхъ дождей,
Влаги и огня,
Въ яркомъ пламени страстей
Не покинь меня.

Дай мнѣ, дай мнѣ взрывовъ злыхъ
Для журчанья струнъ,
Местью сдѣлай ты мой стихъ,
За моихъ, Перунъ!

ЗАКЛИНАТЕЛЬНИЦА ГРОЗЪ.

Красной калиной покой свой убравъ,
Принеся въ него много лѣсныхъ, стрѣловидныхъ, какъ
будто отточенныхъ, травъ,
Я смотрю, хорошо ль убрана моя хата,
И горитъ ли въ ней сѣребро, ярко ли злато.
Все какъ и нужно кругомъ.
Мысли такія же въ сердцѣ, сверкаютъ, цвѣтятся огнемъ.
Сердце колдуетъ.
Что это? Что это тамъ за окномъ?

Дрогнула молнія въ Небѣ! Темнѣетъ оно. Негодуетъ?
Или довольно, что въ этомъ вотъ сердцѣ пожаръ?
Вѣтеръ прерывисто дуетъ.
Громъ.
Гулко гремитъ за ударомъ ударъ.
Длится размахъ грозового раската.
Свѣтится золотомъ малая хата.
И, опоясанъ огнемъ,
Въ брызгахъ, въ изломахъ червленаго злата,
Въ рокотахъ струнъ,
Сѣя алмазы продольнымъ дождемъ,
Въ радостяхъ бури, въ восторгѣ возврата,
Мчится—Перунъ.

ЗМѢЯ-МѢДЯНИЦА.

Змѣя-Мѣдяница, иначе Мѣдянка,
Годъ цѣлый бываетъ слѣпа.
И пусть передъ нею любая приманка,
Она неподвижно-тупа.
Но дивныя чары Ивановой ночи
Ей острое зрѣнье даютъ.
Сверкаютъ змѣиныя рдяныя очи,
Смотри, не встрѣчайся ей тутъ.
Хоть будь ты одѣтъ передъ нею бронею,
Бороться, надѣяться, брось,—
Она, на врага устремившись стрѣлою,
Его пробиваетъ насквозь.

Змѣя-Мѣдяница, что разъ только лѣтомъ
Являетъ всю силу свою,
Знакома съ Перуновымъ огненнымъ цвѣтомъ,
Онъ рдяную любитъ змѣю.
Въ лѣсу, изъ гніенія гадовъ зловредныхъ,
Трава-Мѣдяница ростетъ,

И ночью Ивановой, въ отблескахъ мѣдныхъ,
Цвѣтъ огненный недруга ждетъ.
И горе, коль ты, этой чары не зная,
По чащѣ пойдешь на авось,—
Трава-Мѣдяница, взметнувшись, живая,
Врага пробиваетъ насквозь.

СКУПЕЦЪ.

РУССКОЕ СКАЗАНІЕ.

Богъ Землю сотворилъ, и создалъ существа,
Людей, звѣрей, и птицъ, и мысли, и слова,
Взошла зеленая, желая пить, трава.

Богъ Землю сотворилъ, и вдунулъ жизнь въ живыхъ,
Но жаждали они всей силой душъ своихъ,
И Воду создалъ Богъ для жаждущихъ земныхъ.

Изрылъ Онъ ямины огромныя въ землѣ,
Онъ русла проложилъ, чтобъ течь ручьямъ во мглѣ,
Ключъ брызжущій исторгъ изъ мертвыхъ глыбъ въ скалѣ.

И птицамъ, чья судьба—близь тучъ небесныхъ быть,
Кому такъ свойственно порывъ вѣтровъ любить
Велѣлъ Онъ помогать, чтобъ всѣ имѣли пить.

Низвергнувъ съ высоты безмѣрности дождей,
Онъ птицамъ повелѣлъ нести ихъ въ ширь полей,
Уравнивать моря, кропить, поить ручей.

Повиновались всѣ. Дождямъ пришелъ конецъ.
И лишь была одна, чье прозвище скупецъ,
Ничтожно-малая, какъ бы навѣкъ птенецъ.

Скупецъ чирикнулъ такъ: Не нужно мнѣ озеръ.
Не нужно мнѣ морей. Зачѣмъ мнѣ ихъ просторъ?
На камнѣ я напьюсь. Помочь другимъ? Вотъ вздоръ!

Разгнѣвался Творецъ, уставъ скалу дробить.
И въ жаждѣ навсегда велѣлъ скупцу Онъ быть.
И вѣченъ пискъ скупца. Пить, пить, кричитъ онъ, пить.

ЗАГОВОРЪ

отъ двѣнадесяти дѣвицъ.

Подъ дубомъ подъ мокрецкимъ,
На тѣхъ горахъ Аѳонскихъ,
Сидитъ Пафнутій старецъ,
Тридесять старцевъ съ нимъ.
Двѣнадесять идутъ къ нимъ
Дѣвицъ простоволосыхъ,
Дѣвицъ простопоясыхъ,
Не по-людски идутъ.
Рече Пафнутій старецъ:
Кто къ намъ сіи идоша?
Рекутъ ему дѣвицы:
Всѣ—дщери мы Царя.
Отецъ нашъ есть Царь Иродъ,
Идемъ знобить мы кости,
Идемъ мы тѣло мучить,
Двѣнадесять дѣвицъ.
Ко старцамъ обращаясь,
Рече Пафнутій старецъ:
Сломите по три прута,
И бити станемъ ихъ.
По утреннихъ три зори,
По три зари вечернихъ,
Взявъ каждый по три прута,
Нещадно станемъ бить.

Къ тринадесяти старцамъ,
Къ Пафнутію, ко старцу,
Взмолились тутъ дѣвицы,
Въ ничто ихъ бысть мольба.
Начаша старцы бити,
Ихъ бити, имъ глаголя:
Ой вы еси, дѣвицы,
Двѣнадесять дѣвицъ!
Вы будьте, тресуницы,
Вы будьте, водяницы,
Разслабленны и хилы,
Живите на водѣ.
На ней, на студеницѣ,
Вамъ мѣсто, а не въ мірѣ,
Вы кости не знобите,
Не мучьте вы тѣла.
Въ тартарары идите,
Двѣнадесять проклятыхъ,
Вамъ въ морѣ-окіанѣ
И въ преисподней быть.
Въ трясинахъ, на болотахъ
Вамъ мѣсто, окаянымъ.
Недуги, принедуги,
Полунедуги, прочь!

ЛИХО.

УКРАИНСКАЯ СКАЗКА.

Жить было душно. Совсѣмъ погибалъ я.
Въ лѣсъ отошелъ я, и Лиха искалъ я.
Думу свою словно тяжесть несу.
Шелъ себѣ, шелъ, и увидѣлъ въ лѣсу
Замокъ желѣзный. Кругомъ—черепа, частоколомъ.
Что-то я въ замкѣ найду?
Можетъ, такую бѣду,
Что навсегда позабуду, какъ можно быть въ жизни веселымъ?

Все же иду
Въ замокъ желѣзный.
Вижу, лежитъ Великанъ.
Видъ у него затрапезный.
Тученъ онъ, грязенъ, и наглъ, и какъ будто бы пьянъ.
Кости людскія для мерзкаго—ложе.
Лихо! Вокругъ него—Злыдни, Журьба.
А по угламъ, вкругъ стола, по стѣнамъ, вмѣсто сидѣній, гроба.
Лихо! Ну что же?
Я Лиха искалъ.
Страшное Лихо, слѣпое.
Подчуетъ гостя. „Поѣшь-ка". Мнѣ голову мертвую далъ.
Взялъ я ее да подъ лавку. Лицо усмѣхнулось тупое.
„Скушалъ?" спросилъ Великанъ.
„—Скушалъ". Но Лихо ужь знало, какая сноровка
Тѣхъ, кто въ бѣсовскій заходитъ туманъ.
„Гдѣ ты, головка-мутовка?"
„—Здѣсь я, подъ лавкою, здѣсь".
Жаромъ и холодомъ я преисполнился весь.
„Лучше на столъ ужь, головка-мутовка.
Скушай, голубчикъ, ты будешь, самъ будешь, вкуснѣй".
Въ эту минуту умножилось въ мірѣ число поблѣднѣвшихъ людей
Поднялъ я мертвую голову, спряталъ на сердцѣ. Уловка
Мнѣ помогла. Повторился вопросъ и отвѣтъ.
„Гдѣ ты, головка-мутовка?"
„—Здѣсь я подъ сердцемъ".—„Ну, съѣдена значитъ", подумалъ
дуракъ-людоѣдъ.
„Значитъ, чередъ за тобой", закричало мнѣ Лихо.
Бросились Злыдни слѣпые ко мнѣ, зашаталась слѣпая Журьба.
Въ нежитей черепомъ тутъ я ударилъ, и закипѣла борьба.
Бились мы. Падалъ я. Билъ ихъ. Убилъ ихъ. И въ замкѣ желѣзномъ вдругъ сдѣлалось тихо.
Вольно вздохнулъ я. Да здравствуетъ воля, понявшаго чудищъ, раба!.

ТРИ БЫЛИНКИ.

ЗАГОВОРЪ.

Все мнѣ грезятся мысли о волѣ.
Выхожу я изъ дома самъ-другъ,
Выхожу я во чистое поле,
Прихожу на зеленый лугъ.
На лугу есть могучія зелья,
Въ нихъ есть сила, а въ силѣ веселье.
Всѣ цвѣты, какъ и быть надлежитъ, по мѣстамъ
И, мечту затаивъ въ себѣ смѣлую,
Три былинки срываю я тамъ,
Красную, черную, бѣлую.
Какъ былинку я красную буду метать
Такъ далеко, что здѣсь никому не видать,
За шумящее синее Море,
Къ краю міра, на самый конецъ,
Да на островъ Буянъ, что въ кипящемъ просторѣ,
Да подъ мечъ-кладенецъ.
Зашумитъ и запѣнится Море.
А былинку я черную бросить хочу
Въ чащу лѣса узорнаго,
Я ее покачу, покачу
Подъ ворона чернаго.
Онъ гнѣздо себѣ свилъ на семи на дубахъ,
А въ гнѣздѣ томъ уздечка покоится бранная,
На дубовыхъ вѣтвяхъ,
Заклятая, для сердца желанная,
Съ богатырскаго взята коня.
Упадетъ та уздечка, блестя и звеня.
Вотъ былинка еще остается мнѣ, бѣлая,
Я за поясъ узорчатый эту былинку заткну,
Пусть колдуетъ она, онѣмѣлая,
Тамъ завитъ, тамъ зашитъ, зачарованъ колчанъ,
Въ заостренной стрѣлѣ заложилъ я весну.

Тремъ былинкамъ удѣлъ побѣдительный данъ,
И мечта—какъ пожаръ, если смѣлая.
Мнѣ отъ красной былинки есть мечъ-кладенецъ,
Мнѣ отъ черной былинки есть взнузданный конь,
Мнѣ отъ бѣлой былинки—мечтаній конецъ—
Есть колчанъ, есть стрѣла, есть крылатый огонь.
О, теперь я доволенъ, я счастливъ, я радъ,
Что на свѣтѣ есть врагъ-супостатъ!
О, на этомъ веселомъ зеленомъ лугу
Я навстрѣчу бросаюсь къ врагу!

НАГОВОРЪ НА НЕДРУГА.

ВОРОЖБА.

Я ложусь, благословясь,
Встану я, перекрестясь,
Изъ избы пойду дверями,
Изъ сѣней я воротами
Противъ недруга иду.
Позабывши о неволѣ,
Тамъ, далече, въ чистомъ полѣ,
Раноутренней росою
Освѣжусь, утрусь зарею,
И зову на бой бѣду!
Бѣлымъ свѣтомъ обнадеженъ,
Краснымъ свѣтомъ опригоженъ,
Я подтычуся звѣздами,
Солнце красное надъ нами,
И въ сіяющей красѣ,
Какъ у Господа у Бога,
Изъ небеснаго чертога,
Алый день встаетъ, ликуя,
Ненавистника сражу я,
Да возрадуются всѣ!

ЧЕРВЬ КРАСНАГО ОЗЕРА.

ИРЛАНДСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Въ Донегалѣ, на островѣ, полномъ намековъ и вздоховъ,
Намековъ и вздоховъ приморскихъ вѣтровъ,
Гдѣ въ минувшіе дни находилось Чистилище,—
А быть можетъ и тамъ до сихъ поръ,
Колодецъ-Пещера Святого Патрикка, —
Предъ бурею въ воздухѣ слышатся шопоты,
Голоса, привидѣнія звуковъ проходятъ.
Они говорятъ и поютъ.
Поютъ, упрекаютъ, и плачутъ.
Враждуютъ, и спорятъ, и сѣтуютъ.
Проходятъ, блѣднѣютъ, ихъ нѣтъ.
Кто сядетъ тогда надъ серебрянымъ озеромъ,
Подъ вѣтвями плакучими ивы сѣдой,
Что надъ глинистымъ срывомъ,
Тотъ узнаетъ надъ влагой стоячею многое,
Что въ другой бы онъ разъ не узналъ.
Тотъ узнаетъ, изъ воздуха, многое, многое.

Въ Донегалѣ другое есть озеро, въ чащѣ, Лафъ Дергъ,
Что̀ по-нашему—Красное Озеро.
Но ни въ бурю, ни въ тишь къ его водамъ нельзя подходить.
Въ тѣ старинные дни, какъ не прибылъ еще
Къ берегамъ изумрудной Ирландіи
Покровитель Эрина, Патриккъ,
Это озеро звалося озеромъ Фина Макъ-Колли.
И недаромъ такъ звалось оно.
Тутъ была, въ этомъ всемъ, своя повѣсть.

Жила, въ отдаленное время, въ Ирландіи
Старуха-колдунья, чудовище,
Что звалася Вѣдьмою съ Пальцемъ.
И сынъ былъ при ней, Исполинъ.

Та вѣщая Вѣдьма любила растенья,
И вѣдала свойства всѣхъ травъ,
Въ серебряномъ длинномъ сосудѣ варила
Отравы, на синемъ огнѣ.
А сынъ-Исполинъ той отравой напаивалъ стрѣлы,
И смерть, воскрылясь, летѣла
Съ каждой стрѣлой.
На каждой рукѣ у Колдуньи, какъ будто змѣясь,
По одному только было
Длинному гибкому пальцу.
Да, загибались
Два эти длинные пальца,
Въ часъ, какъ свистѣла въ разрѣзанномъ воздухѣ,
Сыномъ ея устремленная,
Отравой вспоенная,
Безошибочно цѣль достающая, птица-стрѣла.
Вѣльмою съ Пальцемъ
Было немало подобрано тѣхъ, до кого прикоснулась,
Ядомъ налитая, коготь-стрѣла.

Въ Ирландіи правилъ тогда король благомудрый Ніуль.
Онъ созвалъ Друидовъ,
И спросилъ ихъ, какъ можно избавиться
Отъ язвы такой.
Отвѣтъ былъ, что только единый изъ рода Фіоновъ
Можетъ Колдунью убить,
И убить ее должно серебряной мѣткой стрѣлой.
Самымъ былъ славнымъ и сильнымъ изъ смѣлыхъ Фіоновъ
Доблестный, звавшійся Финомъ Макъ-Колли.
Сынъ его былъ Оссіанъ,
Дивный пѣвецъ и провидецъ,
Видѣвшій много незримаго,
Слышавшій, кромѣ людского,
Многое то, что звучитъ не среди говорящихъ людей.
Былъ также славный Фіонъ, звавшійся Гэломъ Макъ-Морни.
Былъ также юный безпечный, что звался Кунізнъ-Міуль.

Всѣ они вмѣстѣ, по слову Друидовъ,
Отправились къ чащѣ, излюбленной Вѣдьмою съ Пальцемъ.
Они увидали ее на холмѣ,
Она собирала смертельныя травы,
И съ нею былъ сынъ-Исполинъ.
Макъ-Морни свой лукъ натянулъ,
Но стрѣла, просвистѣвъ, лишь задѣла
Длинный колдуній сосудъ,
Гдѣ Вѣдьма готовила ядъ,
Кувырнулся онъ къ синему пламени,
Ушла вся отрава въ огонь.
Исполинъ, увидавъ наступающихъ,
На плечи схватилъ свою мать
И помчался впередъ,
Съ быстротой поразительной,
Черезъ топи, овраги, лѣса.
Но у Фина Макъ-Колли глаза были зорки и руки увѣрены,
И серебряной мѣткой стрѣлой
Пронзилъ онъ вѣдовское сердце.
Гигантъ продолжалъ убѣгать.
Онъ съ ношей своей уносился,
Пока не достигъ, запыхавшись,
До горъ Допегаль.
Предъ скатомъ онъ шагъ задержалъ,
Назадъ оглянулся,
И, вздрогнувъ, увидѣлъ,
Что былъ за плечами его лишь скелетъ:
Сведенныя руки и ноги, да черепъ безглазый, и звенья спинного хребта.
Онъ бросилъ останки.
И вновь побѣжалъ Исполинъ.
Съ тѣхъ поръ ужь о немъ никогда ничего не слыхали.

Но нѣсколько лѣтъ миновало,
Смѣнилися зимы и весны,
Не разъ уже лѣто, въ багряныхъ и желтыхъ
Листахъ, превратилося въ осень,

И тѣ же, все тѣ же изъ славныхъ Фіоновъ
Охотились въ мѣстности той,
Скликались, кричали, смѣялись, шутили,
Гнались за оленемъ, и мѣста достигли,
Гдѣ кости лежали, колдуній скелетъ.
Умолкли, былое припомнивъ, и молча
Напѣвы о смерти слагалъ Оссіанъ,
Вдругъ карликъ возникъ, рыжевласый, серьезный,
И молвилъ: „Не троньте костей.
Изъ кости берцовой, коль тронете кости,
Червь глянетъ, и выползетъ онъ,
И если напиться найдетъ онъ довольно,
Весь міръ можетъ онъ погубить".
„Весь міръ", прокричалъ этотъ карликъ серьезно,
И вдругъ, какъ пришелъ, такъ исчезъ.
Молчали Фіоны. И въ слухъ Оссіана
Какіе-то шопоты стали вноситься,
Тихонько, невѣрно, повторно, напѣвно,
Какъ будто бы шелестъ осоки подъ вѣтромъ,
Какъ будто надъ влагой паденье листовъ.
Молчали Фіоны. Но юный безпечный,
Что звался Куніэнъ-Міуль,
Былъ малый веселый,
Былъ малый смѣшливый,
Куда какъ смѣшонъ былъ ему этотъ карликъ,
Онъ кости берцовой коснулся копьемъ.
Толкнулъ ее, выползъ тутъ червь волосатый,
Онъ длинный былъ, тощій, облѣзло-мохнатый,
Куніэнъ Міуль взялъ его на копье,
И поднялъ на воздухъ, и бросилъ со смѣхомъ,
Далеко отбросилъ, и червь покатился,
Упалъ, не на землю, онъ въ лужу упалъ.
И только напился изъ лужи онъ грязной,
Какъ выросъ, надулся, раскинулся тушей,
И вдоль удлинился, и вверхъ укрѣпился,
Змѣей волосатой, мохнатымъ Дракономъ,

И бросился онъ къ опрометчивымъ смѣлымъ,
И тутъ-то былъ истинный бой.

Кто знаетъ червей, тотъ и знаетъ драконовъ,
Кто знаетъ Змѣю, тотъ умѣетъ бороться,
Кто хочетъ бороться, тотъ знаетъ побѣду,
Побѣда къ безстрашнымъ идетъ.
Но какъ иногда ее дорого купишь,
И сколько въ борепіи крови прольется,
Объ этомъ теперь говорить я не буду,
Не стоитъ, не нужно сейчасъ.

Я только скажу вамъ, кто внемлетъ напѣву,
Я былъ въ Донегалѣ, на островѣ вздоховъ,
Я былъ тамъ подъ пвой сѣдой,
Я многое видѣлъ, я многое слышалъ,
И вотъ мой завѣтъ вамъ: Не троньте костей.
Коль нѣтъ въ томъ нужды, такъ костей вы не троньте,
А если такъ нужно, червя не поите,
Напиться не дайте ему.
Такъ мнѣ разсказали на островѣ древнемъ,
Предъ бурей, надъ влагой, надъ глинистымъ срывомъ,
Сказали мнѣ явственно тамъ
Шопоты въ воздухѣ. Въ воздухѣ.

ГРОМОВЫЙ КАМЕНЬ.

Громовый Камень былъ какъ мертвый гнетъ
И шли часы. И каждый день былъ годъ.
И шли года. Но въ царствѣ мертвыхъ льдовъ
Ходила Мысль дорогою вѣтровъ.

Ходила, и будила, говоря,
Что красная готовится заря,
Что мертвый камень, нынѣ тяжкій сводъ,
Громовыми цвѣтами зацвѣтетъ.

Въ моряхъ небесъ будя и высь и дно,
Сплела она завѣтное Руно.
Враждебности въ незримомъ созвала,
Глазамъ вражды въ глаза взглянуть дала.

Дождемъ обильнымъ рухнули мечты.
Громовый Камень сброшенъ съ высоты.
И стиснутость, въ свободу превратясь,
Въ громовый часъ расцвѣтами зажглась.

ПРАЗДНИКЪ СЖИГАНЬЯ.

Отъ колеса солнцевой колесницы
Небесный огонь долетѣлъ до людей,
Факелъ зажегъ для умовъ, въ ореолѣ страстей.
Отъ колеса солнцевой колесницы
Кто-то забросилъ къ намъ въ души зарницы,
Далъ намъ властительность чаръ,
Тайну змѣиныхъ свѣчей,
Для созванія змѣй
На великій пожаръ,
На праздникъ сжиганья змѣиныхъ изношенныхъ кожъ,
Чешуйчатыхъ звеній,
Когда превращается старая ложь,
И лохмотья затменій,
Во мракѣ ночномъ,
Въ торжествующій блескъ самоцвѣтныхъ горѣній,
Тишина обращается въ громъ,
И пляшутъ, къ Востоку отъ Запада, въ небѣ, кругомъ,
Къ низинамъ отброшены вышней пучиной,
Синія молніи, синія молніи. чудо радѣнья громовыхъ лучей,
Слившихся съ дрожью свѣтло-изумрудныхъ, хмѣльныхъ новизною,
змѣиныхъ очей.

О, праздникъ змѣиный!
О, звенья сплетенныхъ,
Огнемъ возрожденныхъ,
Ликующихъ змѣй!

НА СИНЕМЪ МОРѢ.

ЗАГОВОРЪ.

Есть свѣтлое Синее Море,
На свѣтломъ на Синемъ на Морѣ,
Есть Островъ, на Островѣ Камень,
И Островъ и Камень тотъ—синь.
На Камени, въ синей одеждѣ,
Сидитъ Человѣкъ бѣлоликій,
И лукъ у него безтетивный,
Лукъ синій для синихъ пустынь.
И синей стрѣлою безъ перьевъ
Стрѣляетъ онъ въ притчи, въ призоры,
Во всякую нечисть, въ притворства,
Въ тѣлесный и въ думный изломъ.
Въ Серебряномъ Морѣ, напротивъ,
Серебряный Островъ и Камень,
Серебряный кто-то на Камнѣ
Ему отвѣчаетъ какъ громъ.
Ему подпѣваетъ пособно,
Стрѣла за стрѣлой улетаетъ,
Надъ дивной Рѣкой поперечной
Огонь разростается, синь.
Такъ сгиньте же, ковы, призоры,
Разсѣйтесь вы, притчи и чары,
Я стрѣлы вамъ здѣсь заостряю,
Аминь, говорю я, аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ФЕЙНЫЯ СКАЗКИ.

Стр.

Посвященіе 7

1. Фея.

Фея 11
Наряды феи 11
Прогулка феи 12
Фея за дѣломъ 13
Находка феи 14
Рѣшеніе феи 16
Забавы феи 16
Вѣтерокъ феи 17
Чары феи 18
Трудно феѣ 18
Безпорядки у феи 18
Фея въ гнѣздѣ 19
Фейная война 20
Волкъ феи 22
Фея и бронзовка 23
Фея и снѣжинки 24
Три песчинки 24
Шелковинка 24

2. Дѣтскій міръ.

Дѣтскій міръ 27
Утро 28
У чудищъ 28
Сказочки 29
Заинька 29
Кошкинъ домъ 30
Дѣтская пѣсенка 30
Глупенькая сказка 31

Стр.

Трясогузка 31
Смѣшной старикъ 32
Гномы 33
Русалочка 33
За грибами 34
Колыбельная пѣсня 35
Родникъ 36
Новый день 36
Раковинки 37
Цвѣтокъ 38

3. Былинки.

Какъ я пишу стихи 41
Лучше 41
Зерно 41
Росинка 42
Лѣсные кораллы 43
Капли смолы 44
Грозовой костеръ 44
Береза 45
Смѣхъ ребенка 45
Анютины глазки 46
Бабочка 46
Золотой и синій 47
Паутинки 47
Онъ спросилъ меня 48
Безсмертники 48
Веселая осень 48
Осенняя радость 49
Осень 50
Осенній воздухъ 50
Изморозь 51
Бусинки 51
Къ зимѣ 51
Сѣдой одуванчикъ 52
Измѣнчивость 52
Зима 53
Одуванчикъ 54
Снѣжинки 54
Фей 54
Тоньше 55
Русалка 55
Свѣтлый міръ 56

ЗЛЫЯ ЧАРЫ.

1. Отсвѣты раковинъ.

Стр.

Зовъ 61
Но если 61
Оргія Жизни 62
Талисманы 63
Пиръ Любви 63
Грѣхъ 64
Смѣна чаръ 64
Ребенокъ 65
Дѣтство 65
Тучка 66
Бабушка 66
Два строя 68
Въ моряхъ ночей 69
Змѣиные валы 69
Омутъ 70
Призраки 70
Сѣверное взморье 71
Надъ Моремъ 72
Ходъ морей 72
Не знаю 73
Круговоротъ 73
Домой 74
Чудовище съ клеймомъ 75
Молитва послѣдняя 75
Міровыя Розы 76
Заколдованное поле 76
Одолень-Трава 78
Міровое Древо 80
Къ Небу 80
Свѣтъ вечерній 81
При Морѣ черномъ 82
Въ путь 82
Къ Норнамъ 83
Тѣсный гротъ 83
Путь туда 84
Синій Камень 85
Всебезпріютность 85
Близь Синяго камня 86
Вопль 86
Отсвѣты 87

2. Амулеты изъ агата.

Стр.

Черные вороны 91
Амулеты изъ агата 91
Крикъ 93
Полночный часъ 93
Круги 94
Индійскій тотемъ 94
Святой Георгій 95
Встрѣча 96
Призрачный набатъ 96
Тетенька изъ села 97
Подмѣнышъ 98
Нѣтъ слезъ 101
Отзвукъ Народнаго 102
Зоря-Зорянница 102
Заклинаніе 104
Амулетъ 104
Драконитъ 105
Притча о Великанѣ 107
Тринадцать Сестеръ 108

3. Синія молніи.

Въ безмѣрномъ Все 113
Электронъ 113
Камень-Алатырь 114
Воззваніе къ Перуну 116
Къ Перуну 116
Заклинательница грозъ 117
Змѣя-Медяница 118
Скупецъ 119
Заговоръ отъ Двѣнадесяти Дѣвицъ 120
Лихо 121
Три былинки 123
Наговоръ на Недруга 124
Черезъ Краснаго озера 125
Громовый Камень 129
Праздникъ Сжиганья 130
На Синемъ Морѣ 131

КАТАЛОГИ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВЪ

«СКОРПІОНЪ», «МУСАГЕТЪ» И «АЛЬЦІОНА»

КАТАЛОГЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА

«СКОРПІОНЪ»

АВГУСТЪ 1911 г.

I. СТИХИ.

Ю. Балтрушайтисъ. Земныя Ступени. Элегіи. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

К. Д. Бальмонтъ. Полное собраніе стиховъ.

Томъ I. (Подъ сѣвернымъ Небомъ. Въ безбрежности. Тишина). М. 1908. Изданіе третье. Ц. 2 р.

Томъ II. (Горящія Зданія). Изданіе третье. М. 1908. Ц. р. 50 к.

Томъ III. (Будемъ какъ Солнце). Изданіе третье. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ V. (Литургія Красоты). Изд. 2-е. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Томъ VI. (Фейныя Сказки. Злыя Чары). Изд. 2-е. М. 1911. Ц.

Томы IV, VIII, IX. (Готовятся къ печати).

Томъ VII. (Жаръ-Птица). Фронтисписъ К. Сомова. М. 1907. Ц. 2 р.

Томъ X. (Хороводъ Временъ). М. 1909. Ц. 1 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собр. стиховъ 1892—1909 гг.

Томъ I. Стихи 1892—1909 гг. (Chefs d'œuvre. Me eum esse. Tertia Vigilia). Вторая тысяча. М. 1907 г. Ц. 2 р.

Томъ II. Стихи 1902—1906 гг. (Urbi et Orbi. Stephanos). Вторая тысяча. М. 1908. Ц. 2 р.

Томъ III. Стихи 1907—1909 гг. (Всѣ Напѣвы). Вторая тысяча. М. 1909. Ц. 2 р.

Ив. Буниnъ. Листопадъ. Стихотворенія. М. 1905. Ц. 1 р.

Андрей Бѣлый. Золото въ Лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904. Ц. 2 р.

Поль Верленъ. Собраніе стиховъ. Въ переводѣ Валерія Брюсова. М. 1911. Ц. 2 р.

Юрій Верховскій. Разныя стихотворенія. М. 1908 г. Ц. 80 к.

З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Гумилевъ. Жемчуга. Стихи. Обложка Д. Кардовскаго. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Томъ I. (Cor Ardens. — Speculum Speculorum.—Эросъ.—Золотыя Завѣсы). Фронтисписъ К. Сомова (хромолитографія). М. 1911. Ц. 2 р. 40 к.

Вячеславъ Ивановъ. Cor Ardens. Томъ II. (Любовь и Смерть.—Rosarium). (Печатается).

М. Кузминъ. Сѣти. Первая книга стиховъ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. Ред. Валерія Брюсова. М. 1904. Ц. 2 р.

Николай Морозовъ. Звѣздныя пѣсни. Съ 2 картами звѣзднаго неба. Обложка М. Соломонова. М. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к. (Наложенъ арестъ).

Ѳедоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.

Оскаръ Уайльдъ. Тюремная баллада. Переводъ К. Д. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

Уольтъ Уитманъ. Побѣги травы. Пер. К. Д. Бальмонта. М. 1911. Ц. 1 р. 80 к. (Наложенъ арестъ).

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

Валерій Брюсовъ. Земная Ось. Разсказы и драматическія сцены. 2-е, дополненное изд. Иллюстраціи Альберто Мартини. М. 1910. Ц. 2 р. 20 к.

Валерій Брюсовъ. Огненный Ангелъ. Повѣсть изъ нѣмецкой жизни XVI в. Изд. 2-е, дополненное примѣчаніями. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Андрей Бѣлый. Серебряный Голубь. Повѣсть въ семи главахъ. Обложка П. Уткина. М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая). Въ 4 частяхъ. Обложка по рисунку Обри Бердслея. М. 1904 Ц. 75 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. 4-я симфонія. Обл. А. Ѳедотова. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Кнутъ Гамсунъ. Сьеста. Очерки и разсказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.

М. Кузминъ. Первая книга разсказовъ. (Приключенія Эме Лебефа. Письма Клары Вальмонъ. Тѣнь Филлиды. Флоръ и разбойникъ. Рѣшеніе Анны Мейеръ. Кушетка тети Сони. Крылья). М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

М. Кузминъ. Вторая книга разсказовъ. (Подвиги Великаго Александра. Повѣсть объ Елевсиппѣ. Нѣжный Іосифъ). М. 1910. Ц. 1 р. 80 к.

Жегадисъ. Облака. Поэма въ прозѣ. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1905. Ц. 65 к.

Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта.
Томъ I. Поэмы, сказки. (Печатается второе изданіе).
Томъ II. Разсказы, статьи. М. 1905. Ц. 1 р. 30 к
Томъ III. Страшные разсказы, гротески. М. 1911 Ц. 2 руб.

Томъ IV. Необычайныя Приключенія (Печатается).
Томъ V. Эврика. Письма. Біографія. (Готовится).

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій.
Книга II. Pro domo mea. De profundis. У Моря. Сыны Земли (романъ въ 3 частяхъ) и др. Переводъ М. Семенова, Е. Троповскаго и С. Полякова. Обложка Е. Надельмана. М. 1905. Ц. 2 р. 40 к.
Книга III. Дѣти Сатаны. Романъ въ 4 ч. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
Книга IV. Заупокойная месса. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Поэмы въ прозѣ. Переводъ М. Семенова и Е. Троповскаго. Обложка Фидуса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Сыны Земли. Романъ. Переводъ Е. Троповскаго. М. 1905. Ц. 50 к.

Ѳедоръ Сологубъ. Жало Смерти. Разсказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Эмиль Верхарнъ. Елена Спартанская. Трагедія. Единственный авторизованный переводъ съ рукописи Валерія Брюсова. Съ портретомъ Верхарна. М. 1909. Ц. 80 к.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изд. 3-е. М. 1909. Ц. 50 к.

Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изд. 2-е. Съ портретомъ З. Красинскаго. Ц. 60 к.

Л. Зиновьева-Аннибалъ. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. Предисл. Вячеслава Иванова. Обложка Н. Ѳеофилактова. М. 1904 Ц. 1 р. 80 к.

Шарль ванъ-Лерберге. Панъ. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Сказки. Переводъ С. А. Полякова. Съ иллюстраціями Н. Ѳеофилактова. М. 1908. Ц. 1 р.

Шарль ванъ-Лерберге. Они почуяли. М-lle Коси-Сѣно. Переводъ С. А. Полякова. Ц. 40 к.

Морисъ Мэтерлинкъ. Стихи. Пеллеасъ и Мелизанда. Переводъ Валерія Брюсова. Съ 3 портретами М. Мэтерлинка и статьей о его жизни и творчествѣ. М. 1905 Ц. 1 р.

Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунеллески. М. 1907 Ц. 1 р.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская Трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. Ликіардопуло и А. Курсинскаго. Съ 3 портретами О. Уайльда. М. 1907. Ц. 80 к.

Артуръ Шницлеръ. Зеленый попугай. Трилогія („Парацельсъ", „Подруга", „Зеленый попугай"). Перев. съ нѣмецкаго. М. 1900 г. Ц. 60 к.

IV. ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

К. Д. Бальмонтъ. Змѣиные цвѣты. Путевыя письма изъ Мексики. Съ 43 рис. М. 1910 г. Ц. 3 р.

Обри Бердслей. Содержаніе: Робертъ Россъ. Обри Бердслей. Монографія.—Артуръ Симонсъ. Обри Бердслей. Монографія.—Обри Бердслей. Венера и Тангейзеръ. Романтическая новелла.—Обри Бердслей. Застольная болтовня. Избранныя мѣста изъ писемъ.—Подробная иконографія и библіографія.—Примѣчанія.— Портреты, автопортреты, каррикатуры. — Воспроизведенія рисунковъ (около 30) Бердслея черныхъ и въ краскахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго М. Ликіардопуло (Выйдетъ осенью 1911 г.).

Н. Брюсова. Временное и пространственное строеніе формы. М. 1911. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Валерій Брюсовъ. Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. 2 изд. М. 1910 г. Ц. 40 к.

Валерій Брюсовъ. Aurea Roma. Золотой Римъ. Очерки литературы и жизни IV в. по Р. Х. Готовится.

Г. Ландсбергъ. Долой Гауптмана! Переводъ съ нѣмецкаго М. Семенова. М. 1902 г. Ц. 70 к.

Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле рисунковъ и рукописей А. Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

V. АЛЬМАНАХИ.

Сѣверные цвѣты на 1901 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1901 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты на 1902 г. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1902 г. Ц. 1 р.

Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года—1901, 1902, 1903 гг. Большой томъ свыше 600 стр. Стихи, разсказы, статьи К. Д. Бальмонта, Валерія Брюсова, З. Гиппіусъ, М. Лохвицкой, Д. Мережковскаго, Н. Минскаго, В. Розанова, К. Случевскаго, К. Фофанова, А. Чехова и др. Письма: А. С. Пушкина, Ѳ. Тютчева, И. С. Тургенева, А. Фета, Вл. Соловьева, Н. Некрасова и др. Виньетки и заставки К. Сомова, Л. Бакста, М. Волошина и др. Обложка В. Борисова-Мусатова. М. 1904 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты Ассирійскіе на 1904—5 гг. Роскошное изданіе. Содержаніе: „Три расцвѣта", драма К. Д. Бальмонта. „Земля", сцены изъ будущихъ временъ Валерія Брюсова. „Танталъ", трагедія Вяч. Иванова. Стихи и разсказы С. Соловьева, Макса Волошина, Ѳ. Сологуба, Н. Минскаго, З. Гиппіусъ, М. Криницкаго, Ю. Череды, Л. Зиновьевой-Аннибалъ и др. Обложка и всѣ украшенія Н. Ѳеофилактова. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Сѣверные цвѣты. на 1911 годъ. Стихи, разсказы, статьи. Обложка К. Сомова. М. 1911. Ц. 1 р. 50 к.

VI. АЛЬБОМЪ.

Н. Ѳеофилактовъ. 66 рисунковъ (исполненныхъ фототипіей, одноцвѣтной и многоцвѣтной автотипіей). М. 1908 г. Ц. 3 р.

VII. МУЗЫКА.

Куранты Любви. Слова и музыка М. Кузмина. 30 стр. текста+70 стр. нотъ. Рисунки С. Судейкина и Н. Ѳеофилактова. М. 1910. Ц. 3 р.

VIII. „ВѢСЫ".

Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Шесть лѣтъ изданія (1904—1909). 72 №№, свыше 7000 страницъ текста большого формата съ рисунками (черными и въ краскахъ), заставками и концовками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Въ „Вѣсахъ" напечатаны неизданные стихи, повѣсти, разсказы, драмы, статьи, письма, воспоминанія русскихъ и иностранныхъ писателей: Ренэ Аркоса, С. Ауслендера, Ю. Балтрушайтиса, К. Д. Бальмонта, Е. Баратынскаго, О. Бердетта, А. Блока, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, М. Волошина, Эмиля Верхарна, З. Гиппіусъ, Ренэ Гиля, Ж. де Гурмона, С. Городецкаго, В. Гофмана, Н. Гумилева, И. Грабаря, В. Жуковскаго, Вяч. Иванова, В. Каллаша, М. Кальвокоресси, Антона Крайняго, А. Кондратьева, М. Кузмина, Н. Лернера, М. Ликіардопуло, Д. Мережковскаго, В. Морфила, Н. Минскаго, Дж. Папини, С. Полякова, А. С. Пушкина, Ст. Пшибышевскаго, А. Ремизова, В. Розанова, Р. Росса, П. Рукавишникова, Б. Садовского, Вл. Соловьева, С. Соловьева, Ѳ. Сологуба, Е. Тарасова, гр. А. Н. Толстого, Оскара Уайльда, К. Чуковскаго, Г. Чулкова, Эллиса, П. Эттингера и мн. др. Въ „Вѣсахъ", воспроизведены (въ одну и нѣсколько красокъ), картины, рисунки, заставки и концовки слѣдующихъ художниковъ: А. Арапова, Л. Бакста, В. Борисова-Мусатова, М. Врубеля, В. Дриттенпрейса, О. Гиліа, К. Вальзера-А. де Каролисъ, Р. Костетти, Фр. Кристофа, Н. Крымова, М. Ла,

ріонова, И. Левитана, Павла Кузнецова, А. Мартини, В. Миліоти, Л. Пастернака, О. Рэдона, Н. Рериха, Т. ванъ Риссельберга, А. Рувейра, Н. Сапунова, К. Сомова, Т. Стерджъ-Мура, С. Судейкина, М. Шестеркина, Фидуса, К. Юона, Г. Якулова, Н. Ѳеофилактова и мн. др.

Значительная часть матеріала, обнародованная въ „Вѣсахъ", больше нигдѣ не появлялась.

Цѣна полнаго комплекта „Вѣсовъ" за всѣ шесть лѣтъ изданія — 40 руб. безъ пересылки. Отдѣльные годовые комплекты: 1904, 1905 и 1906—по 6 руб. безъ пересылки, 1908, 1909—по 7 руб. безъ пересылки. Комплектъ за 1904, 1905, 1906, 1908 и 1909 гг. (безъ 1907 г.)—27 руб., безъ пересылки; 1907 г. отдѣльно не продается. Пересылка по дѣйствительной стоимости. Издательство сохраняетъ за собою право повысить указанныя цѣны по мѣрѣ израсходованія комплектовъ.

Всѣ, выписывающіе непосредственно изъ склада, пользуются пересылкой за счетъ книгоиздательства. Деньги, причитающіяся за заказываемыя изданія, просятъ высылать впередъ — при заказѣ. При выпискѣ наложеннымъ платежемъ расходы по наложенію платежа принимаютъ на себя гг. заказчики.

Адресъ конторы книгоиздательства „Скорпіонъ": **Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23** (телефонъ 50-89) Изданія к-ва „Скорпіонъ" можно также получать въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ", **Петербургъ, Садовая, 18.**

OCT 1 3 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3453
B2
1914a
t.6

Bal'mont, Konstantin
Dmitrievich
Polnoe sobranie stikhov